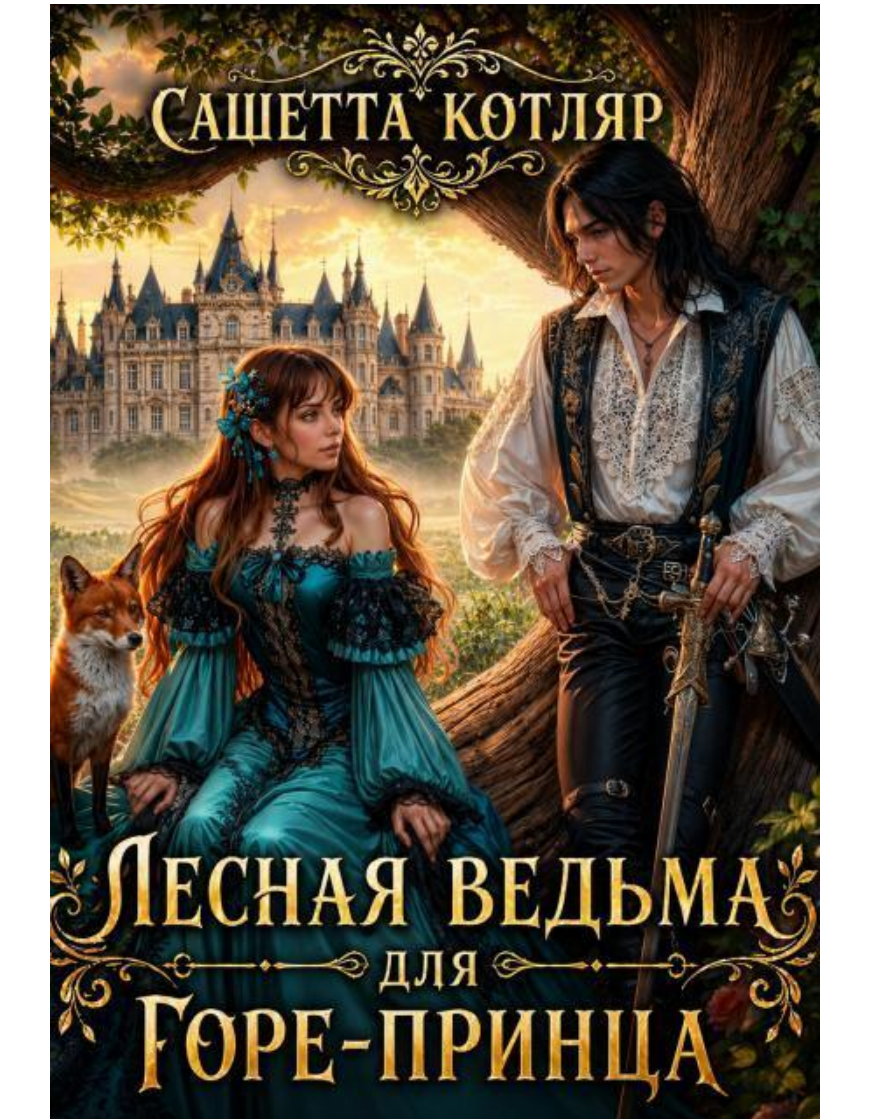

САШЕТТА КОТЛЯР

The illustration depicts a fantasy scene. In the foreground, a woman with long, flowing red hair sits on a large tree stump. She is wearing a teal, off-the-shoulder gown with black lace detailing and a matching choker. A small, fluffy fox sits beside her. To her right, a man with long dark hair stands, leaning against the same stump. He is dressed in a white lace-trimmed shirt, a dark vest, and dark trousers, holding a sword. In the background, a large, ornate castle with many spires and blue roofs is visible through a misty, sunlit forest. The scene is framed by the branches of a large tree at the top.

ЛЕСНАЯ ВЕДЬМА
— для —
ГОРЕ-ПРИНЦА

Сашетта Котляр

Лесная ведьма для горе-принца

<https://litres.ru/74207603>

Аннотация

Ведьма Натия потеряла всё из-за инквизиторов. Бегство в лес казалось спасением, но и там её жизнь не осталась спокойной. Сначала она вытаскивает раненную лису, а потом красивого молодого мужчину несёт конь, и тот просит о помощи. Его глаза похожи на аметисты и проникают в её душу, вызывая чувство, о котором Натия боялась даже мечтать. Теперь они вместе сражаются против инквизиторского ордена Алых Ряс. Но смогут ли они найти в себе силу не только победить врагов, но и позволить себе любовь, вопреки всему? Ведь он принц, а она — гонимая ведьма, и они из разных миров...

Однотомник, ХЭ.

Содержание

Глава 1. Слом. Натия	4
Глава 2. Слом. Аметис	13
Глава 3. Сюрпризы. Натия	22
Глава 4. Сюрпризы. Аметис	32
Глава 5. Решения. Натия	41
Глава 6. Решения. Аметис	50
Глава 7. Последствия. Натия	58
Глава 8. Последствия. Аметис	66
Глава 9. Отчаяние. Натия	79
Глава 10. Отчаяние. Аметис	88
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1. Слом. Натия

Лавка травницы в городе Наирдж

Натия

Ее лавка дивно пахла травами. Чабрецом, мятой. Горьковатой полынью. Немного цветами, немного терпкой дубовой корой. Как будто в лес вошел, а он так и поселился в сердце. Натия с любовью протирала пыль с каждой полочки, и выметала грязь из-под всех шкафов, напевая себе под нос старую колыбельную.

Натия пела, не замечая ничего вокруг, благо, с самого утра в ее уютную лавочку трав и лекарств мало кто заглядывал. Жители маленького городка Наирдж предпочитали приходить под вечер, хоть тогда и приходилось стоять в очереди к прилавку и ждать, пока улыбчивая, чуть полноватая травница дойдёт, и начнёт задавать вопросы по его беде.

Заходил к ней, к примеру, сапожник, и просил:

— Да мне бы настою от боли-то, голова побаливать начинает по вечерам, видать, от безделья. Работаю мало! Можно? — и потупится, глаза отведя от внимательного взгляда голубых глаз травницы.

А она улыбалась, по-матерински ласково, хоть и в дочери старому Джефферею годилась, и говорила в ответ:

— Можно-то можно, но хорошо ли освещена твоя лавка? Различаешь ли ты строчки, когда работаешь по ночам?

— А эт причем? — почесал тогда Джефферей лысую макушку, и удивлённо посмотрел на Натю. Уж не сошла ли она с ума от своей странной жизни, да от прогулок лесных?

— Важно это, поверь хорошей травнице, — улыбнулась она. — Так хватает света?

— Так нетути, куда уж мне? Свечи жечь дорого, а темнеет нынче быстро, зима близится, — снова почесавшись, сказал он.

— Попробуй купить свечи, и работать вечером только при свете. Увидишь, больше не понадобится настоек, голова пройдёт, и глаза зоркими дольше останутся, — серьёзно проговорила она, да и выставила сапожника из лавки. Не предложив тому настоя или травы какой. Он сперва обиделся, но затем совету последовал, справедливо решив, что хуже не станет точно.

А спустя неделю вернулся в лавку, и крепко обнял Натю, да так, что косточки хрустнули.

— Задушишь, Джефферей! — рассмеялась она. — За что ты меня так? — и улыбнулась до ушей, отчего он даже немного покраснел.

— Так это... — стушевался сапожник. — Помог твой совет. Ты волшебница! Не болит больше ни голова, ни глаза. Даже тратиться на свечи теперь не жаль!

Ради таких моментов она свои советы и давала. Бескорыстно. И вспоминая, всегда улыбалась и пела, прямо как сейчас. Даже уборка шла легко, и Натя словно не замеча-

ла, как исчезают пыль и грязь, и воцаряется почти идеальная для небольшой лавчонки чистота.

Мелодии, что она мурлыкала себе под нос, да общий светлый настрой на еще один замечательный день, как будто помогли, и даже убираться было приятнее. Так и у матушки было, и у бабки, да ляжет тело ее на мягкие перины за Гранью. От них Натия и переняла свое жизнелюбие. Да и помогать людям тоже они учили. И советы мудрых старших женщин пока что Натию не подводили, жаль лишь, что ни с одной из них на этом свете больше не поговорить. Могла она, конечно, и к мертвым обратиться, но без необходимости не стала бы. Нечего тревожить их покой, они его сполна заслужили, выстрадали.

Лавка была еще закрыта, ведь солнце только-только начало окрашивать небо нежно-розовым цветом. Натия рассчитывала успеть закончить приборку и смешать несколько самых ходовых лечебных составов. Да и кузнецу мазь от ревматизма она так и не справила, а это не дело, он давно просил. Чего она не ожидала, утонув в своих мыслях, так это громкого стука в тяжелую дубовую дверь, прикрытую на засов. В такое время? И кто ж ломится?

Натия замерла, рассчитывая, что неведомые посетители хотя бы представятся, и не прогадала, даже подивившись ведовской интуиции:

— Открывай! Именем Всемилоственного Солнца! Ведьма, сдавшаяся добровольно, очистится и уйдет к Свету! — услы-

шала она громкий грудной бас, и отскочила от двери. Как же хорошо, что за тяжелым дубом мало что слышно, а пути отхода у нее давно имелись! Алые Рясы добрались и до Наирджа, что же это делается-то?!

Она бросила метлу и вздрогнула от показавшегося теперь слишком громкого звука. Сумка с отварами... куда же она ее положила-то?! Натия заметалась по лавке в поисках нужных вещей, ухитряясь, впрочем, не производить совершенно никакого шума. И как повезло, что у нее всего одно окно! Да и то кривое и мутное. А она огорчалась, что не освоила эту науку — волшебством стекло создавать. Но даже это на пользу пошло, не в убыль.

Наконец, давно подготовленная на такой — не очень вероятный, как ей казалось, — случай сумка была найдена. Почему-то под шкафом с заготовленными микстурами от простуды, но разбираться и вспоминать, отчего так, у Натии времени теперь не было. Кабы не начали дверь выбивать...

Словно в ответ на ее мысли, в дверь застучали ещё громче. Мужчина за дверью — а среди алых ряс женщин сроду не водилось — явно рассчитывал, что ему все же откроют добровольно, а хозяйка, к примеру, занята и не слышит. Натии это было на руку, и она, с сумкой в руках, быстро прошмыгнула в подвал. Эх, как жаль покидать насиженное место-то! И трав столько сушилось, и настои подготавливались, и... да даже колбасу, которую мясник в благодарность принес, и ту оставлять жалко было!

Впрочем, ее-то как раз Натия и не оставила — кинула в холщовый мешок. Вместе с парой голов сыра, куском вяленого мяса и краюхой хлеба. А мешок — в сумку убрала. Та, конечно, потяжелела, но в первое время к людям теперь лучше не выходить, а кушать хочется. Придется потом былое вспоминать... Проклятые Алые Рясы!

В этот момент, она отчетливо услышала, как дверь в лавку пытаются вынести чем-то крепки и тяжелым, похожим на большое бревно. Ну-ну, это у них немало времени займет, а она пока удерет. Ишь, чего удумали, к Свету ее уносить! Через костер. Сами пусть туда входят, а её оставят в покое. Хорошо, что люк в подвал коврик прикрывает, тоже небольшая — а задержка, а ей всякий миг важен, пока они сообразят, куда ведьма делась.

А уж то, что в подвале еще один лаз есть, ведущий в пещеру за городом, это они долго соображать будут. Благо, Натия и не рассказывала о нем почти никому, только, разве что, Джефферею? Оставалось лишь надеяться, что сапожник не выдаст. И зачем она ему тогда рассказала? Нет, Натия помнила, зачем — чтоб не переживал, если вдруг Алые Рясы до их городка доберутся, спокойно им рассказал, в какой лавке «ведьма» торгует, не подвергая себя и остальных риску. Но как бы ей это теперь не вышло боком! Вдруг попадется новенький старательный послушник, и решит пытать горожан, даже если, что они ведьму сразу сдали, ведьмы на месте не найдя? С них станется, это Натия знала, и не только по слу-

хам. Эх, бабушка-бабушка...

От воспоминаний о прошлом даже слезы на глазах выступили, но Натия быстро их отогнала, сердито встряхнув головой. Не время! Мешок взяла, еду взяла, ковриком люк прикрыла — ведьма она или не ведьма? — ничего не забыла. Можно давать деру, напрямиком в пещеры за городом.

А встречаться с Алыми ой как не хотелось! Тем паче, что и волшебство у ее рода всегда было созидательное, и соседей пугать ответным колдовством не хотелось. Нет, Натия могла бы, скажем, плющ прорастить прямо сквозь разлюбезных охотников на ведьм — им бы мало не показалось, но плющ же тоже живой, ему больно будет. Жаль его.

Или лесных медведей позвать, чтобы задрали горе-охотников. Могла? Могла. Даже рыбу хищную по их души призвать могла, коли реками удрать попытаются! Но сколько тех медведей и рыб погибнет, прежде чем они отобьются? И не испугает ли это горожан? Не дай боги, решат, что правы Алые, и от ведьм жди одной только беды! Она-то уже выросла и о себе позаботиться может, а вот молоденькие ведьмочки в лесах пока выживать не способны, люди им рядом нужны. А разве смогут они жить с теми, кто их боится?

Нет, только побег, другие варианты Натия решила приберечь на тот случай, если совсем выхода не останется. Вот догонят — тогда получают сполна, а если нет — так она их потом выморит из города своего, рукою в перчатке, не кулаком. Во имя мира между будущими ведьмами и обычными людьми.

Да ведь вымрут же Рясы рано или поздно? А если репутацию к тому времени подмочить, обратно не вернешь!

Наконец, подгоняемая своими же возмущенными мыслями, Натия добралась до входа в пещеру за чертой города. Отодвинула массивный булыжник выше ее роста, загораживающий проход, и нос к носу столкнулась... с Джеффереем! Он что, ждал ее тут? А с какой целью?

— Мастерница-ведьма, к тебе Алые Рясы пожаловали, лавку твою разнести уже успели. Помню, просила их не оставливать, коли что, но помочь-то я тебе могу, правда же? — быстро заговорил сапожник прежде чем, как она успела хоть что-нибудь слово пискнуть.

На глаза Натии навернулись слезы. Любят ее все же в Наирдже, в беде бросать не хотят, несмотря на такой риск! Аж на сердце потеплело у ведьмы. Не сразу нашлась, что ответить старому другу:

— Так не просила я помощи... — робко, как никогда раньше, начала она. — Заслышала, что дверь в мою лавку ломают, и бросилась наутёк, да и все. Я знала, что так может быть, Джефферей, — она огладила платье и губы облизнула в волнении. Беспокоятся! Не все в этом мире потеряно!

— Да где ж вам, ведьмам, помощи у простых смертных-то просить? — проворчал сапожник. — Сами все узнаем и сами поможем, стал-быть, как госпожа ведьма нашим детям и нам самим помогала, не просючи ничего взамен! Мы туточки тебе котомку собрали с припасами. Знаю, у тебя и своего име-

ется, да долгая дорога без пищи кончается быстро. И еще — коли бежать будешь, беги на север, в леса предгорные. Алые там медведей видели и лезть боятся, а ведьма всяко с живностью уговор найдет. Да и мы их... того, на юг направим. Лучше бы еще куда, да не отправятся, окаянные!

От этой доброй отповеди она даже на шаг назад отступила. А Джефферей сразу же всучил ей плетеную заплечную котомку, доверху набитую снедью, и стоило ей открыть рот — Натия и сама не знала, то ли поблагодарить, то ли отказать, — как он сердито проворчал:

— Не приму отказ! Обижусь! Бери и беги с миром, и да помогут тебе боги, госпожа ведьма. А этим... красномордым — муравейник под задницу и медведя навстречу!

Натия рассмеялась. Джефферей никогда на ругательства не скупился, но это... Она улыбнулась, поставила собранную горожанами котомку наземь, и крепко обняла старого сапожника.

— Век вас не забуду! Спасибо и тебе, и всем прочим. А сейчас возвращайся к родным, Джефферей! Нечего давать Алым повод к тебе присмотреться поближе, внучата мне гибели любимого деда не простят!

В уголках голубых глаз старика она заметила блеснувшие слезы, но он только молча обнял ее в ответ, кивнул, и, не прощаясь быстрым шагом пошел назад. А Натия нацепила котомку, помахала ладошкой ему вслед, да и отправилась, как и сказал Джефферей, в сторону леса предгорного. Всяко

стихия родная, так еще и Алым Рясам там боязно, а это ей на руку.

Глава 2. Слом. Аметис

Сапфировый дворец, город Миертин

Аметис

У Аметиса день не задался с самого утра. Мало того, что тщательно распланированный Его Величеством поход он провалил — в дороге он с этим смирился и даже речь уже приготовил — так еще и часть войска по дороге дезертировала во время ночного привала. И чтоб он знал, куда солдаты подевались! Ясно было, что перемешались с местным людом, да только искать их как, дезертиров проклятых? Не вламываться же в каждый дом? Аметис не сомневался: папенька бы так и сделал, но сам он не мог и не хотел нарушать покой верных подданных ради кучки беглецов.

По правде сказать, он их понимал. Не будь Аметис принцем, пусть и всего-навсего третьим по старшинству — он и сам бы удрал, только его б и видели. К книгам и путешествиям. Эх! Да только кто его спрашивал, чего он там хочет? Родился принцем — изволь соответствовать. И неважно, что никто не выбирает, кем родиться. Ты сам и твои желания не важны. Лишь титул и долг, долг и титул. И гнетущая необходимость во всем подчиняться отцу, конечно.

Люди, мимо которых он проходил, улыбались принцу с колдовскими аметистовыми глазами, за которые он когда-то получил свое имя. Но сам он не видел никого вокруг, глядя

на уши своего вороного коня, и не переставая думать о том, как отец воспримет его поражение. И ничего хорошего ему в голову не приходило, а потому посреди царственного лба залегла вертикальная морщинка, а в глубине глаз поселилась мутная, тяжелая обреченность.

Если бы не эскорт, обязательный для человека его положения, он наверняка упал бы с лошади или врезался в кого-нибудь. Но к счастью, верные люди вели его напрямик во дворец, а горожане расступались, давая дорогу своему принцу. От тяжелых мыслей глаза его стали тусклыми, а предстоящая публичная порка — даром, что лишь словесная — заставляла Аметиса все больше погружаться в себя. Он повторял будущую речь в голове, но как ни крутил слова и фразы, все одно понимал: отец будет в ярости, и снова окатит ледяным презрением, нимало не смущаясь собственных придворных.

И вот бесконечные извилистые улицы Миертина, мощенные тяжелым гранитом, привели Аметиса и его свиту туда, куда и должны были. В Сапфировый дворец. Как и всегда, Аметис первым делом бросил взгляд на оконные витражи, сложенные из множества кусочков синего стекла, прошелся взглядом по темным камням, и статуям предков с глазами-сапфирами, а затем снова уставился на уши собственной лошади. Смотреть на людей ему не хотелось. Мало того, что они его несколько пугали, так еще и за поражение уже грызло изнутри нечто подозрительно похожее на чувство вины.

Он не справился. Подвел их. И отца тоже, хотя это как раз было неудивительно. Отца его поступки расстраивали почти всегда.

Перед воротами дворца принц хотел было остановиться, но Ханс, слуга, шустро бросился стучать. И куда быстрее, чем хотелось бы Аметису, в ответ на стук Ханса ворота отворились, пропуская всю процессию внутрь. Его явно ждали, но давали понять, что поражение — не тот результат, с которым отпрыск королевской фамилии имел право вернуться домой, рассчитывая после этого на радушную встречу своей семьи и подданных отца. Ему демонстративно не оставили открытыми ворота заранее. В этом был весь отец. Наказать непутевого сына даже такой, казалось бы, малостью.

Аметис смотрел бы на уши лошади и дальше, но во дворе родового замка, то есть, простите, дворца, пришлось спешиться и передать верного Ворона в руки конюха. А дальше — только на своих двоих, что вынуждало несколько более внимательно смотреть на дорогу. Впрочем, на придворных он все так же старался взгляда не поднимать, и вообще оставался занят собственными мыслями. В них было как минимум уютнее.

Однако, как бы ему ни хотелось отсрочить свой позор, а ноги сами собой — при некоторой помощи знакомого с его характером придворного камердинера — принесли Аметиса в тронный зал, где отец, по обыкновению, давал публичные аудиенции. Прежде чем он, в нарушение всех правил

этикета, вошел, непредставленным, мэтр Амаль — камердинер короля — взял его за руку, вынуждая остановиться. Как только Аметис послушно замер, мэтр откашлялся и зычным, противным голосом, долетавшим до каждого уголка зала, способного вместить пару сотен лошадей, объявил:

— Его Высочество Аметис Неокаенный, третий принц рода Альтанна, прибыл к Вашему Величеству на доклад!

Отец молча кивнул — что обыкновенно было признаком крайнего раздражения — и Аметис послушно выступил вперед, ощутив, как потеют ладони и начинают дрожать руки. Сколько бы он ни репетировал этот разговор, однако множество пар глаз, уставившихся на него — и в основном, увы, отнюдь не дружелюбно — да и сам мрачный взгляд льдисто-голубых глаз отца никак не настраивали на хоть сколько-нибудь радостный лад. Аметис подозревал, что, стоит ему открыть рот, как он начнет запинаться, и опозорится еще больше. И потому он молчал, не в силах вымолвить ни слова.

— Мы ждем вашего доклада, сын наш, — холодно проговорил Его Величество Дионетис Третий. В такие моменты принц даже мысленно не мог назвать его отцом, зато чувствовал, как горло сжимает ужас. Однако король не оставил ему шансов, продолжив:

— Мы могли бы удовольствоваться докладом гонца, прибежавшего с вестью о вашем поражении, но мы желаем знать подробности из уст того, кому было поручено принести нам и нашему государству победу!

Аметис чувствовал, как впиваются ему в спину взгляды придворных, и понимал, что они ждут его позора с радостью стервятников, кружащихся на поле брани. Так было всегда, третий принц не раз и не два становился шутком для знати. Конечно, они не могли смеяться над Аметисом в открытую — отец не позволил бы такого пренебрежительного отношения к королевской фамилии, но запомнить и потом высмеять за спиной, в кулуарных беседах, не только могли, но и постоянно так поступали.

А уж этому король никак не препятствовал, полагая, что свою репутацию его сын должен спасти самостоятельно. И никого не волновало, что он не полководец, а ученый. Иной раз, Его Величество даже язвительно проходил по исследованиям Аметиса и говорил, что, не будь тот его сыном, отдал бы его за эту ересь Алым Рясам, и поэтому должен он благодарить уж за то, что титул принца служит оберегом, ведь корона священна и непогрешима, а кровь королей на эшафотах не льется.

И вдруг это внезапно нахлынувшее воспоминание так разозлило младшего принца, что он заговорил без всякого страха и малейшей запинки, да еще и произнёс вовсе не то, что собирался. Не оправдания, но правду, в какую искренне и твердо верил:

— Ваше Величество, отец. Вы желаете знать, почему я потерпел поражение, верно? — начал он, и тон, которым заговорил обычно кроткий, стеснительный принц, заставил цвет

двора глазеть на него куда пристальнее обыкновенного, да еще и вздрогнуть, чего с ними случалось чаще от слов отца или его наследника, нежели от слов младшего сына. Аметис же решительно продолжал, а клокочущая внутри него злость словно бы сыто облизнулась, довольная произведенным эффектом.

— Оттого Ваш сын принес Вам поражение, что из Вас, отец мой, никудышный руководитель! — обвинительно бросил он, и Его Величество настолько удивился, что не сподобился перебить.

— Вы поручили вести войска человеку, который многократно признавался в том, что не является полководцем, что этим даром Бог-Отец обделил его от рождения, и все, что он может посоветовать войскам — это умирать поменьше! Я сотни раз говорил Вам, что я ученый, а не военный стратег. И вместо того, чтобы отправить в этот проклятый поход того, кто способен и с вдвое меньшим войском принести победу, вы отправили меня! Это Ваш, отец, в первую очередь Ваш промах, как никудышного правителя, потому что правитель кудышный никогда не отправит придворного лекаря чинить пушки, а кузнеца — лечить раненых, как не будет рачительная хозяйка забивать гвозди с помощью мужней подзорной трубы, привезенной из дальних странствий. Вы сами меня учили: государь для королевства — что игрок для шахмат, и как он фигуры использует, такой результат и получит. Я предупреждал: я не справлюсь, я не знаю, как избавить Се-

верные Острова от пиратской напасти. Я долго ломал голову, приложил все имеющиеся силы, и все равно не справился. Но я предупреждал об этом! И тем снимаю с себя вину. Внимайте себя, отец. И в поражении, и в том, что заставили меня выступать с докладом публично, — и стоило ему договорить последние слова, как решимость покинула Аметиса, и он ощутил острое желание спрятаться где-нибудь за тронном, чтобы ни слова, ни взгляд отца не достигли его.

К удивлению принца, отец снял с рук белоснежные перчатки, которые не снимал публично почти никогда, и медленно, но как будто торжественно, похлопал своему третьему отпрыску. Это был единственный звук, который нарушил мертвую тишину тронного зала, и Аметису стало совсем не по себе. Стоит отдать принцу должное, он не сбежал, а стоял перед Дионетисом прямо, и даже смотрел отцу в глаза, хотя те и выражали что-то странное, нечитаемое и оттого пугающее.

Пауза, казавшаяся бесконечной, и нарушаемая лишь редкими хлопками королевских ладоней, наконец завершилась холодным, но все же не столь холодным, как вначале, голосом Его Величества:

— Что ж, сын мой, ты доказал, что в твоих жилах все же течет моя кровь и кровь наших славных предков. У меня были основания в этом сомневаться, когда ты дрожал и запинаясь, словно писарь, забывший, как читать. Теперь их нет. Этого довольно. Но за неуважение ко мне, и публичную

выдачу сведений, не предназначенных для кого-либо, кроме членов королевской семьи, я отлучаю тебя от двора на срок в две недели. Не считая времени, затраченного на дорогу. Ты должен будешь проследовать в имение, выделенное тебе при рождении. И нет, я не позволю тебе забрать книги. Наказание должно быть приведено в исполнение немедленно. Ты покинешь двор сам, или мне приставить к тебе верных людей? — несмотря на то, что его наказывали, в голосе отца Аметис слышал непривычную гордость. Правда, радоваться не спешил — без книг, да еще в глуши, что он будет делать эти две недели?! Считать птиц? Но ответил, конечно, как подобает принцу.

— Сам, отец. Я отдам распоряжение слугам, чтобы они отправились следом. В Имении Наирдж живут лишь сторож и кухарка, я не слишком часто там появлялся в последнее время.

— Заодно и в порядок его приведешь, — царственным кивком подтвердил король. — У тебя два часа. Что же касается твоего, гм, доклада... Я не буду впредь отправлять тебя с войском. По крайней мере до тех пор, пока ты тщательно не проштудируешь те труды именитых стратегов, что посоветует Мастер Тэов. Но это будет уже после твоего возвращения, разумеется. Можешь быть свободен, сын мой.

Аметису ничего не оставалось, кроме как коротко кивнуть и удалиться. И хотя отец, по сути, отправил его в ссылку, он почему-то улыбался. С самого детства третьему прин-

цу никогда не удавалось сделать так, чтобы папа — его папа, а не злой и страшный король Дионетис — выглянул из-под королевской мантии хоть самую малость. А теперь вдруг это получилось. Немного. Он просто придумал ему такое наказание, какое дал бы в детстве, и заговорил с ним как король с верноподданным, а как отец с сыном. И это было уже немало.

У Аметиса не было желания штудировать труды стратегов, но поговорить с когда-то горячо любимым папой хотелось невероятно. Настолько, что он даже готов был две недели скучать без своих книг. Придворные же, рассчитывавшие поглумиться над «неудачным» принцем, ничего не поняли, и так и стояли молча, ошарашенные странным разговором отца и сына. Аметис же улыбался, даже когда раздавал распоряжения своим слугам, и в кои-то веки замечал людей вокруг, тем самым весьма их удивляя.

Глава 3. Сюрпризы. Натия

Где-то в лесах Наирджа

Натия

Долго возились Алые Рясы в Наирдже. Весь город вверх дном перевернули, всех опросили, даже Джефферея допросили три раза, хотя он, по совету Натии, сдал её ещё в самый первый раз. А хода, что ведьма использовала, не нашли. То ли ей сама Магия помогала, то ли ума охотникам на ведьм не хватило, чтобы тайный ход отыскать, но для них Натия как сквозь землю провалилась, да так, что даже подола ее платья они разглядеть не успели.

Повезло жителям Наирджа — во владениях, принадлежащих, пусть и в основном формально, младшему сыну короля, Алые устраивать своих знаменитых жестоких допросов не рискнули. Не могли так рисковать, опасаясь, что их орден лишится поддержки короля. И не зря, поскольку Его Величество на расправу был весьма скор, и жалеть бывших союзников не стал бы ни в коем разе. Это Натии на руку и сыграло, хоть она и не знала об этом.

Не так уж и быстро скрывался из виду полюбившийся ведьме городок, шла Натия на своих двоих, и магию не использовала, чтобы ищеек Алых не привлечь. И хоть мерзкие Рясы даже не догадывались, куда могла деться сбежавшая из города ведьма, но мешкать ей не следовало все равно, и На-

тия это отлично понимала. А потому шла, не останавливаясь, днем и ночью, и даже колбасу свою жевала на бегу, не рискуя присесть и на пять минут. Мало ли, вдруг её настигнет особо рьяный Алый, мечтающий поймать свою первую ведьму поскорее?

Конечно, она могла от них отбиться. И по большому счету это им стоило опасаться самой настоящей ведьмы, а вовсе не наоборот. Но тогда бы в тихий, сонный Наирдж прислали бы огромный отряд из столицы, всех друзей и знакомых Натии допросили бы, да не по одному разу, и не гнушаясь пытками, если ответы не пришлись бы по вкусу. Проще было уйти в лес.

Она и там не пропадет, это правда, но как же без людей тоскливо! Лесные звери, даже самые умные, не могли стать собеседниками одинокой ведьме, хотя и частенько становились верными друзьями. Да и обустроиваться придется долго, а чем себя занять, Натии было совершенно неясно. По крайней мере, после того, как она обустроится.

В городе ей всегда находилось дело. То заболит кто, то совет мудрый кому понадобится, то отвар от плохой кожи нужно сварить, то научить, как дитя не приживать, когда не надо. Не так и много народу в Наирдже, но каждый день в ее лавку кто-нибудь, да заходил, с просьбой или заказом на очередное зелье или мазь. А в лесу... в лесу только зверей лечить, да не всякий из них этого захочет, и не всякий к себе подпустит. Натии было грустно об этом думать, но она

все равно шла, надеясь, что скоро выберется из границ чар Алых. И тогда сможет своими воспользоваться, наконец.

К счастью, унывать долго Натия не умела, и, как только оказалась в лесной гуще, далеко от человеческого жилья, да еще и не услышав к тому времени звука погони, то начала и здесь напевать себе под нос песенку о закатном солнце, и о походе к дальним берегам.

Под песню и шагалось веселее, и красоты леса вокруг как будто становились ярче, а кроны деревьев тянулись к Натии, приветствуя её.

Натия не знала, сколько времени прошло с тех пор, как она ушла из Наирджа. Несколько раз солнце успело взойти и закатиться, а припасы — изрядно поредеть. А потому выбрала себе чистенькую полянку, словно по заказу, усеянную отборными подосиновиками, расстелила там покрывало, достала из котомки котелок, да и развела огонь. А потом и воду набрала в котелок — похлебки из грибов сварить. Там и переночевала, после сытного ужина.

А наутро, уже полная сил, еще глубже в лес на поиски нового пристанища. И нужно было ведьме, чтобы уголок леса, где она решит обосноваться, ее признал и принял, только тогда она могла изменить его для своего удобства, и поселиться там. И без этого дозволения ни одна уважающая себя ведьма на месте бы не осталась. Ведь, если окружающая природа не признает ее за хозяйку, значит, и колдовство получаться будет хуже, и неудачи случаться чаще, а то, и, если лес разгне-

вається окончательно, найдет ее патруль Алых Ряс, да притом спящую, так, что и отбиться она не сможет.

Конечно, такого Натия допустить не могла. А потому оставалась на каждой приглянувшейся полянке, подходила под самое раскидистое дерево рядом с нею, и обращалась к духам леса. Примут или велят дальше свое место искать? И не то чтобы везло в этом ведьме, поскольку этот лес ее принимать не слишком-то хотел, словно пытаясь изгнать или загнать в какой-то определенный угол. Но и послушаться духов леса Натия не могла, а потому проскиталась весь день, так и не найдя подходящего места. И даже петь больше не хотелось! Лишь отдохнуть поскорее. А лучше — вернуться в лавку, всем Алым назло. Но этого она, конечно, не сделала, снова устроившись на ночлег на очередной полянке, хоть на сей раз и без грибов.

В поисках прошли ещё два дня скитаний, которые Натия уже начала отмечать, успела кончиться вся еда, а место все не находилось. И тут, уставшая Натия услышала жалобный скулеж где-то в лесной гуще, тихий, как будто животное звало на помощь уже из последних сил. Ей некуда было бы привести даже больную мышь, но зверь скулил так тоскливо, что ведьма грустно вздохнула, и пошла искать беднягу. Звук, казалось, с каждым мигом становился все тише, но Натия не могла бросить поиски, и вскоре вышла на неприметную полянку.

К ее удивлению, там лежало истрёпанное покрывало и по-

луистлевшая корзинка, словно тут давным-давно устраивали пикник. Натия прикоснулась к корзинке, и та рассыпалась в прах, так что ведьма успокоилась. Кто бы здесь ни останавливался, это было давно и его уже след простыл.

Нашла она и скулящего страдальца. Под раскидистым дубом, что укрывал полянку своей тенью, лежала рыжая красавица-лиса. Издали было непонятно, что с нею случилось, но подойдя ближе, Натия увидела, что передние лапы зверя почти перебиты ржавым капканом.

— Ох, бедняжка, угораздило же! — невольно воскликнула Натия вслух, хоть лиса и не могла ее понять. — Я тебе помогу, только не пытайся на меня нападать, ладно? — сказала она, и пристально посмотрела в несчастные глаза животного. Лиса, как будто поняв, что от нее хотят, перестала скулить и теперь следила взглядом за ведьмой. А Натия сразу наклонилась к ней.

Дело было плохо. Почему такой ржавый, старый капкан вообще сработал, Натия не понимала, но он ей очень не понравился, как и вид лисы. Если бы та была человеком, Натия решила бы, что ее лихорадит, да и лапы у нее были сильно изранены, и когда зверь сможет бегать, даже если за ним ухаживать — Натия предсказать не могла. Если, конечно, лису не вылечить магией. Но если она займется этим, то такой серьезный всплеск силы может привлечь ищеек Алых Ряс! С другой стороны, без магии, голыми руками, она и из капкана лису не вытащит. Но не бросать же ее? Можно было добить,

да только Натии сама мысль была противна.

Ведьма вздохнула и рассеянно погладила лесную страдалицу по ушам, а потом, так же, вслух, поделилась мыслями:

— Рисковать из-за тебя — глупость несусветная, а оставить все как есть я не могу. Вот и что мне делать, лисонька?

Лиса, понятное дело, молчала. Даже не скулила, только смотрела прямо на Натию, пока та, закусив губу, размышляла, как же ей поступить. Наконец, ведьма махнула рукой и мрачно процедила:

— Чему быть — того не миновать. Если придут, то покажу им, на что способна. Здесь всяко не Наирдж, честному человеку я не наврежу, а Алые, если что, сами напросились!

От принятого решения Натии стало легче, и она занялась работой. Для начала, прочитала заговор, которым матушка с бабушкой удаляли ржавчину, только усилила его и вплела запрет на причинение вреда живой материи. Чтобы лиса еще больше не пострадала. Аккуратно погладила больные лапы, пошептала над рыжим мехом, и капкан рассыпался в прах, высвобождая лесную пленницу. Натия думала, что лиса, как всякий зверь, попробует удрать, но та сидела, и покорно ждала лечения.

Ведьма погладила лису по мягким ушкам, и та тихо фыркнула что-то, и робко попыталась встать на все четыре, теперь свободные, лапы. И тут же громко вскрикнула, отчего ведьминское сердце тревожно забилося. Натия строго посмотрела на лису и произнесла:

— Лежи, лесная красавица! Лечить тебя буду. Вот как вылечу — тогда и будешь пытаться встать, а пока нечего рисковать, а то только хуже станет!

Лиса тихо твякнула в ответ, и Натии даже показалось, что в этом звуке она слышит обещание больше не двигаться, пока ей не разрешат. Ведьма покачала головой. Бабка, конечно, умела с живностью говорить так, что та ее и правда понимала, но у нее-то такого Дара нет! А человеческую речь лесная лиса вряд ли понимает. Но может, дело в интонациях? Или животное понимает, что, раз человек высвободил его из капкана, значит, хочет помочь?

Но времени размышлять над этим у Натии не было. Лисе требовалась помощь, она все еще поскуливала от боли, хоть и лежала, не двигаясь. А подумать, отчего эта лиса такая понятливая, можно было и потом, когда та придет в себя и вернётся обратно в лес, к своим. Конечно, скорее всего она жила на своей территории одна, но вдруг ее ждали другие лисы? Или даже лисята? Натии не хотелось бы оставлять маленьких лисят без матери — она почему-то была уверена, что перед ней именно лисица, а не лис.

Натия отошла от лисы на два шага, и начала читать длинный заговор. На кончиках ее пальцев загорелся зеленый свет целительной магии, и она подумала было, что лиса может испугаться и убежать, несмотря на свои раненные лапы. Однако рыжая красавица только твякнула еще раз. Лечи мол, раз уж пообещала, нечего тут своей магией любоваться.

Натия улыбнулась и дочитала заговор до конца. Теперь обе ее руки светились зеленым, слегка потусторонним светом. Она подошла к лисе поближе и взяла ее правую переднюю лапу в руки. Теперь она словно видела сквозь мех все сломанные кости, и знала, как их «починить», да так, чтобы и следа не осталось. Правда, если лечить сразу и полностью — это сильно истощит и ее, и лису, так что Натия приняла решение сделать так, чтобы рыжая могла сама охотиться, а остальную работу оставить природной лисьей живучести.

И решив так, начала проводить руками по каждой лапе, читая уже полноценное заклинание, направленное на заживление и выправление костей. Она и раньше лечила животных, и лис в том числе, а потому могла не бояться навредить или срastить что-то неправильно. Все же, лес был ей привычным, хоть Натия и скучала совсем без людей, а значит, привычны были и беды лесного зверья. Хотя, конечно, раньше лисы ломали лапы из-за встречи с волком или агрессивной медведицей, а не из-за ржавого капкана, и это были более правильные раны, хоть и тоже мучительные.

Натия вздохнула, и растворила в теле лисы осколки костей, которые могли ей повредить, пока все заживает. Даже смогла сделать так, чтобы они пошли на пользу. Когда ведьма закончила, с нее градом катился пот, а есть хотелось так, что она готова была и жуков жевать, но зато лиса, словно поняв, что все закончилось, сразу встала на лапы и подбежала к Натии поближе. Она ткнулась головой прямо Натии в руку,

как будто бы пытаюсь сказать «спасибо».

— Не за что, красавица, не за что, — улыбнулась Натия. — Теперь мне нужно отдохнуть, а тебе — вернуться в свою нору. Беги, рыжая, и пусть у тебя все будет хорошо.

Лиса громко тьякнула что-то в ответ и правда убежала в лесную гущу. А уставшая Натия уснула прямо там, где сидела, не в силах двинуться с места. Проснулась она от того, что ей в лицо ткнулось что-то холодное и мокрое. Открыв глаза, Натия поняла, что у нее болят даже те косточки, о существовании которых она и не подозревала, а еще обнаружила рядом с собой давешнюю лису. Она просто-напросто лизнула Натю в нос, чтобы разбудить!

— Мрряв! — требовательно тьякнула она, и тронула лапой коленку Натии. Ведьма рассмеялась, и протерла глаза. А потом поняла, что у нее на коленях лежит парочка здоровенных, неизвестно откуда взявшихся перепелок. Вернее, известно откуда, как поняла ведьма, едва только бросив взгляд на приосанившуюся, распутившую пушистый рыжий хвост лисицу.

— Это мне? — спросила Натия, уже не удивляясь, что лиса, кажется, прекрасно ее понимает.

— Мр-ряв! — отозвалась лиса, и ведьме отчетливо послышалось что-то вроде: «Обижаешь. Нам!»

— Ну раз нам, ты не будешь против, если я разведу огонь и поджарю твою добычу? — спросила Натия. Она надеялась, что уж на это ее сил хватит, и она сможет полакомиться жа-

реной перепелкой, а заодно подкрепить силы.

Лиса же ответила просто. Утащила одну из перепелок и принялась с аппетитом ее поглощать. А вторую подтолкнула лапой к Натии. Мол, со своей делай, что хочешь, а я такое не ем, мне дичь больше нравится не палёная. Ведьма снова рассмеялась, и даже потеряла глаза. Не исчезнет ли лисица и ее подношение? Но та и не думала куда-то деваться, только довольно жмурилась и грызла свою добычу.

Глава 4. Сюрпризы. Аметис

Наирдж, имение Наирдж

Аметис

Аметис, как и хотел отец, отправился в свое имение немедленно, но вместе с ним ехал целый штат слуг и положенная согласно титулу охрана, так что добрался он до него мало того, что неделю спустя, так еще и за полночь. И понял, что как всегда не подумал, как его будут встречать, и никого не предупредил. Пришлось стучать в ворота имения, что есть мочи, надеясь, что проснется конюх и ему хотя бы откроют. Не вышибать же дверь собственного дома? Потом самому и чинить, чего принцу, ясное дело, не хотелось.

Тут ведь тоже была библиотека! Пусть небольшая, пусть там можно было найти совсем немного книг по магии, но по крайней мере он мог освежить знания, полученные, когда он был еще юнцом. Да и книги часто открывались для Аметиса с новой стороны, если он перечитывал их спустя год или два. А этих он лет пять в руках не держал!

То, что Его Величество Дионетис хотел, чтобы он привел этот дом и прилегающую к нему территорию в порядок, а не зарылся в книги, Аметис понимал, но ему искренне казалось: достаточно раздать распоряжения и хоть немного следить, чтобы они выполнялись, а штат слуг сам справится с тем, чтобы немного оживить имение. А большего ему и не

нужно! Оно просто должно быть пригодным для житья, в том числе для того, чтобы принимать гостей, и ничего больше. Разве с этим слуги не справятся без его постоянного контроля? А если не нужен постоянный контроль, то и почитать можно. А уж если при уборке найдется что-то интересное, как порой бывало в замке отца!

Как всегда, замечтавшись, принц не сразу обнаружил, что на активный стук в ворота никто не отвечает, хоть конюх Франц и стучал, что есть мочи. Аметис нахмурился. Сам он ехал впереди повозки со слугами, и даже не рассчитывал, что придется останавливаться прямо рядом с нею — по дороге они всегда останавливались в небольших деревушках, где были очень рады видеть младшего принца. И ладно бы с собой было, что почитать! Тогда он и на мостовой полежал бы, если придется. Но вот спать на земле или чьем-нибудь плаще Аметису отчаянно не хотелось.

— Может, стоит стучать посильнее? — предложил он, и широко зевнул.

Не то, чтобы Аметис правда верил, что это поможет или хотел кем-то командовать, но очень уж его расстраивала идея спать на улице, да еще и без книг. Или возвращаться в последнюю деревню, что они прошли. В темноте это не казалось хорошей идеей, мало ли, в какую яму упадет лошадь, если всадник не будет видеть, куда идет. Да и устали они — лошади — чай, не железные, живые, и их Аметису было жаль. И хотелось поскорее доверить в заботливые руки ко-

нюха, чтобы они поели, напились воды и отдохнули.

В ответ на его слова, один из телохранителей вышел к воротам и вместо Франца громко постучал в ворота рукой в латной перчатке. А потом басом, во всю глотку, прокричал:
— Отворяй ворота, хозяин в дом пришел!

Его крик мгновенно разорвал тишину, и Аметис поморщился. Уж если теперь оставшиеся в имении кухарка и конюх не проснутся, то впору и правда дверь выбивать — наверняка что-то случилось, не могут живые люди спать так крепко, чтобы не услышать и крика, и стуков в дверь. Латной перчаткой-то! Ну, по крайней мере, не оба — подумал он, когда вспомнил своего приятеля, спавшего даже под звуки пальбы из привезенных из-за границы пушек. Уж старые женщины обычно имеют чуткий сон, разве нет? По крайней мере, Аметис об этом где-то читал, хоть и не мог вспомнить, где именно.

И снова он не успел толком отвлечься на собственные мысли, как за дверью послышалось недовольное сонное ворчание, и притом, женское, как он и подозревал.

— Хозяева у нас в замке, в столице сидят. Кого демоны на рогах принесли? — скрипуче проговорила женщина, и действительно открыла ворота, желая удостовериться, что правильно пытается отправить «хозяев», откуда пришли. В правой руке у нее была свеча, а одета она была в чепец и ночную сорочку — и правда, спала. Оно и неудивительно, солнце давно уж зашло, чего бы ей и не спать?

Увидев Аметиса, она испуганно вскрикнула:

— Ваше Высочество! Не велите казнить, не ждали мы вас в такой день и в такой поздний час! Я сейчас же подниму Дирха, он расседлает коней, и ужин подам, что найдем правда...

Аметис понял, что если прямо сейчас ее не остановит, то она и правда разбудит старого конюха и перевернет все вверх дном. А он этого совсем не хотел. Пришлось перебить:

— Все хорошо, не стоит. Мы сыты, и у меня с собой достаточно людей, чтобы самостоятельно обосноваться. Ложитесь спать, Жози, не стоит так переживать, — произнёс он, постаравшись быть доброжелательным. А потом и добавил: — Мы, и я лично, сами виноваты: не предупредили вас о своем приезде, вот вы нас и не ждали. Ничего страшного в том нет.

— Но как же, я же должна вас встретить, как подобает! — возразила Жози, видно, с перепугу.

— Вы должны в первую очередь делать то, что я вам говорю, разве нет? — мягко уточнил Аметис. — А я говорю вам идти и хорошенько выспаться. Завтра покажете мне имение и расскажете, что тут нужно починить или переделать.

— Хорошо. Благодарю вас, Ваше Высочество, — растерянно сказала кухарка. И в самом деле вернулась обратно в поместье.

Аметис же тихо попросил слуг найти ему, себе и телохранителям комнаты, и по возможности перестелить белье тем,

что они взяли с собой. Не было у него желания никого будить, только лечь в постель. И почитать. Но не посреди ночи же искать книги?

Ждать Аметису пришлось довольно долго, полчаса точно. За это время Франц успел расседлать и напоить коней, охрана — разместиться в комнатах слуг рядом с его спальней, а служанки облюбовать дальнюю комнату с шестеркой кроватей — как раз по их числу. О нем, впрочем, тоже позаботились, открыв двери в его спальню выданными кухаркой перед сном ключами. Там оказалось несколько пыльно, но уж в шесть пар рук девушки справились быстро. И белье перестелили, и пыль убрали, и даже подушки взбили. После этого Аметис, не раздеваясь, рухнул на постель и сразу же уснул.

А утром, впрочем, наступившим для него довольно поздно, принца ждало сразу несколько сюрпризов. Во-первых, спал он так крепко, что взятые с собою слуги успели полностью убрать старую комнату от пыли, переставить мебель, и даже поменять несколько поеденные молью шторы на новые, а он все это время спал, даже не услышав этого. И более того — Аметиса успели даже раздеть, так что проснулся он в рубашке и панталонах.

Следующим сюрпризом стала одежда. Ее не было. Совсем. Никакой. Аметис понимал, что от него всего лишь ждут: он будет соответствовать титулу и позовет прислугу, чтобы его одели. Но он не раз и не два говорил, что сам способен справиться с такими простыми вещами и ему не нуж-

на чья-то помощь, чтобы натянуть штаны! И кто бы его слушал? Еще и, по сути, перед фактом поставили: не зная, куда слуги убрали одежды, он попросту не мог надеть их сам. Не идти же на поиски в одних панталонах и тонкой рубашке? Не то, чтобы он страшно боялся нескромных взглядов, но натопить в имении не успели и без пухового одеяла было просто-напросто холодно.

Аметис даже пожалел, что не поднял-таки оставленных присматривать за имением конюха и кухарку ночью. Наверняка ведь их идея! Чтобы приучить господина к тому, что он все-таки господин, как иногда говорили слуги в Миертине. Не хватало еще и здесь отбиваться от этой навязчивой заботы! Его же отправили, по сути, в мягкую ссылку за попытки перечить отцу, вот пусть ссылка и будет полноценной — то есть, лишенной всех этих мерзких, бессмысленных условностей, которые тратят драгоценное время жизни на всякую ерунду.

Принц тяжело вздохнул, заставил себя выбраться из манящего, мягкого и уютного одеяла, порадовался, что ему оставили хотя бы «домашнюю» обувь и громко застучал в дверь, надеясь, что рядом с нею дежурит служанка, и ждет, когда он проснется. Так оно и оказалось. На стук отозвался женский голос:

— Ваше Высочество? Велите подать наряд к... — она замялась. — Дневной трапезе?

Аметис чуть не скрипнул зубами, но все же сдержался.

Мелла не хотела ничего плохого, и вообще скорее всего выполняла распоряжения Жози, решив, что она тут за старшую. Да собственно так оно и было, но это же не повод опять пытаться устроить ему ненужный официоз!

— Я велю больше не убирать от меня одежду неизвестно куда, и ничего не подавать, а просто принести мне миску хлеба на кухню. У меня есть более важные и интересные дела, кроме как ждать, пока вы выполните все бессмысленные ритуалы, навязанные моим положением. В собственном доме-то я перед кем должен изображать правильного аристократа?! И я сотни раз говорил тебе об этом, Мелла! Ты хочешь, чтобы я подобрал еще кого-то на твое место?

Служанка густо покраснела, как он понял по голосу, и, не открывая двери, ответила:

— Так распорядилась мадам Жози, как я могла ее послушаться?

Аметис все же скрипнул зубами, да так, что стало немного больно.

— Очень просто. Сказать, что мои распоряжения более важные, чем ее! Так ты принесешь мне, наконец, мою одежду?

— А вы не будете меня увольнять и заменять другой служанкой? — с вызовом поинтересовалась девица, все так же не открывая двери.

— Не буду, — вздохнул Аметис. — Если ты выполнишь мое распоряжение в точности, и не дашь больше Жози на-

стаивать на своем.

— Тогда я сейчас буду! — радостно воскликнула Мелла, и Аметис услышал, как она бегом куда-то удаляется.

Вскоре вредная девица вернулась со стопкой вычищенных и выглаженных вещей, и протянула ему, наконец, соизволив открыть дверь. Но смотрела только в сторону, словно опасаясь, что он ее как-то накажет за то, что она увидела его неглиже.

Аметис вздохнул еще глубже и забрал у нее из рук вещи. Амелла же протараторила:

— Где остальное вам покажет Жози. И похлебку приготовит, я очень-очень просила, сказала, что вы меня уволите, если она так и не сделает! Так что через треть часа, не позже, вас будет ждать завт... обед, наверное. А я побежала. Раз вам помощь не нужна, то и докучать не буду!

И в самом деле убежала. Аметису оставалось только одеться, наконец. Он изрядно удивился, что вещи были теми же самыми, в которых он приехал, только чистыми. Обычно одежда не сохнет так быстро? Впрочем, это было не интересно ему на самом деле, так что принц лишь удивленно пожал плечами, и направился на кухню.

По дороге он успел увидеть, что от пыли успели избавиться не только его комнату. И служанки вовсе не закончили приводить имение в жилой вид — кто-то выбивал ковры, кто-то менял свечи и протирал подсвечники, кто-то чистил gobelens. В общем, работа кипела, и Аметису показалось, что

здесь найдется чем заняться еще неделю точно, даже без какого-то серьезного ремонта. Одна уборка пришедших в запустение помещений могла достаточно надолго занять слуг, если он, конечно, не решит их зачем-нибудь остановить.

Но ничего такого он делать не собирался. Из кухни доносился аппетитный запах мясного бульона, и Аметис понял, что успел изрядно проголодаться. Живот скрутило так, словно он отшагал без пищи трехдневный марафон, на котором не останавливался. Он вбежал в большую кухню, рассчитанную на куда больший штат слуг — человек на двадцать пять или тридцать — чем у него был с собой, и с удивлением обнаружил незнакомую девицу на приличном сроке беременности.

Девушка густо покраснела, но не двинулась с места и не сказала ни слова. Озадаченному Аметису только и оставалось, что ждать повариху. Наверняка она могла объяснить этот «сюрприз»!

Глава 5. Решения. Натия

Где-то в лесах Наурджа

Натия

Сколько Натия не старалась убедить свою рыжую подружку, что ей стоит вернуться обратно в лес, в свою нору, та продолжала следовать за ведьмой по пятам и иногда приносить какую-нибудь дичь. И притом всегда — в двух экземплярах, если только лисице не удавалось задушить кого-то особенно крупного, например, молодую косулю. И если Натия пыталась не забирать у нее подношение, лиса обиженно таякала и долго смотрела ей прямо в лицо, не отводя взгляда. Мол, я тут для тебя стараюсь, а ты!.. И ведьма всякий раз сдавалась, и шла жарить очередное угощение.

Тем более, что поиски места для нового дома затянулись, а одними ягодами и грибами сыт не будешь. Особенно если приходится много ходить и ночевать прямо на земле. Натии казалось, что она ходит кругами, и спустя несколько дней она в этом убедилась. Останки той, первой перепелки, она закопала под деревом, чтобы не загрязнять лес, и чтобы деревья хорошо росли и дальше. И надо же было ей обнаружить точно то место, где она копалась! Не то, чтобы оно было очень приметным, но память у Натии была хорошая, да и потратила она на это несколько часов, так что узнала и дерево, и совсем небольшой холмик — место, где теперь лежали обгло-

данные птичьи косточки.

И тут ведьма вспомнила, что как раз у этого дерева, того, под которым нашла свою рыжую спутницу, она ничего и не «спрашивала», хотя и поляна была вполне подходящая, и дерево — старым, раскидистым дубом, в таких обычно любят селиться лесные духи. Когда Натия поняла это, лисица издала возмущенный твяк:

— Мряв! — воскликнула она, и демонстративно покопалась лапой прямо рядом с холмиком. Мол, всё тебе показывало, где надо жить, а ты остатки ужина зачем-то хоронишь. А надо — тут свою нору рыть. По крайней мере, как-то так Натия это поняла. И вздохнула, глядя на лису. Вот уж подружка нашлась, рыжая, настырная и заботливая. И главное, не уходит, и даже если пытаться уйти, пока она охотится, все равно находит! Упорная лиса попалась.

Натия не теряла надежду отправить-таки лисицу в лес, и поэтому все еще не придумала ей имя, но сама лиса явно уже все решила, и переупрямить ее ведьме решительно не удалось. Спасла — теперь отвечай. А она не хотела отвечать, хотела просто помочь. И куда ей теперь эту хищную питомицу, коли у нее ни кола, ни двора? Лису все эти метания не волновали, она дремала, обвив лапы рыжим пушистым хвостом и иногда косилась на Натию. Мол, нору рыть будешь, или как? Все же объяснили и показали!

Ведьме ничего не оставалось, кроме как попросить приюта у именно этого дерева. Она встала рядом с раскидистым

дубом, сосредоточилась на его природной сердцевине, как учила еще бабушка, и передала свое желание. Иметь дом, защиту, жить в мире и согласии. Слов духи леса не понимали, и человеческая речь для них была простым колебанием воздуха, но вот читать в душах умели. Нужно только открыться.

Если бы ее видел кто-то, кроме довольной лисицы, то он увидел бы, как ведьма вся начинает светиться потусторонним, зеленоватым светом, который становится все более нежно-зеленым, по мере того, как она стоит и что-то бормочет себе под нос. А Натия просто читала заклятие, которое облегчало общение с духами леса. Устала она скитаться, и ей правда хотелось обрести, наконец, место, где можно отдохнуть. Да и лисе всяко уютнее будет под крышей. Все же, лиса — зверь такой, что в норе живет, а не днюет и ночует под открытым небом. Лисе, как и ей самой, нужен был дом, где тепло и сухо. Раз уж она следом увязалась и бросать свою спасительницу не намерена.

И на сей раз ведьме повезло. Духи леса ответили теплом, принятием, и она увидела перед мысленным взором картинку летнего солнечного дня и ощутила, как будто руки слегка нагрелись. Словно она много работала, пока солнце было в зените, и теперь вся пропитана теплом. Натия знала: это значит, лес не против, чтобы она осталась здесь. Наконец-то! Нашлось и для нее место. Конечно, в городе все равно было лучше, но она и здесь могла неплохо обосноваться, не навредив при этом природе.

Закончив «разговор» с деревом, Натия прислушалась к себе. Сил еще было достаточно, и она вполне могла начать готовить поляну для будущего жилья. Конечно, сегодня она закончить не сумеет точно, но им с лисой не так много осталось ночевать под открытым небом. А еще Натия поняла, что лису придется все же как-то назвать. И создать с нею связь фамильяра, чтобы, хоть, знать, как там рыжая поживает и не нужна ли ей помощь. Если уж брать ответственность, так полностью. Ведьма она или где?

Подумав, она решила начать с лисы. Та сидела рядом и продолжала иногда открывать один глаз и поглядывать на свою ведьму выжидающе. Натия посмотрела на нее в ответ и спросила вслух:

— Ты же не хочешь от меня уходить, правда?

Лиса глянула на нее так, что Натии стало стыдно за свою непонятливость. И притом, что рыжая морда даже не поднялась! Так и лежала, обвив себя хвостом. Словно кот, дремлющий на печи в доме какой-нибудь сердобольной крестьянки. Натия вздохнула.

— Тогда мне надо как-то тебя назвать. Не могу же я обращаться к тебе просто «лиса», правда?

Лиса закрыла лапой нос. Демонстративно. Мол, нет, не подойдет, назови как-нибудь пооригинальнее, раз уж хочешь имя придумывать.

— И «Рыжая» не подойдет, да? — спросила Натия, улыбаясь.

Лисица недовольно вскрикнула и, прищурившись, посмотрела прямо Натии в глаза. Ведьма рассмеялась. Кто бы мог подумать, что она будет всерьез выбирать имя лисе, да еще и спрашивать у той, нравится ли ей оно или нет? Впрочем, Натия не знала даже, что найдет в лесу свою рыжую подругу с перебитыми лапами и поможет ей, несмотря на риск. Как-то это все получилось неожиданно, хоть Натия и ничуть не жалела. Где бы она в городе нашла лису, которая следует за ней по пятам и таскает ей свежую дичь?

Только как ее назвать-то? Как назло, ничего интересного в голову не приходило. Не случалось Натии раньше называть лисиц, тем более столь умных, вот и не придумывалось имя. Натия решила называть все варианты, которые в голову придут, а лиса пусть выбирает. Свое недовольство она выражать вполне умела, неужто не сумеет донести, что ей понравится?

— Пушистик? — со смехом предложила ведьма.

Лиса демонстративно покопалась задней лапой, словно кошка. Натия поняла, что этот вариант лисе не нравится совсем. Она и так подозревала, что лисице он не понравится, но очень уж хотелось немного над ней подшутить.

— Может, Алиса? Как «а, лиса!» — предложила ведьма.

Лиса возмущено зафырчала, а потом вообще умудрилась лапой запустить в Натию свежевыкопанным комом земли. Не попала, но отношение выразила более чем недвусмысленно.

— Или Рена? Это лиса с одного забытого языка.

Лисица в ответ изобразила, словно кусает Натю, и даже зубами щелкнула возле запястья. Ведьма поняла, что назвать лису лисой — плохой способ выбора имени. Самой рыжей, он, по крайней мере, не нравится.

— А к человеческим именам ты как относишься? — вдруг спросила Натя, осененная внезапной догадкой.

Лиса подошла к ней и потерлась мордой о колени. Натя поняла, что она явно на верном пути. Теперь осталось подобрать имя, которое устроит рыжую, и будет по нраву ей самой. Интересно, как быстро такое найдется? Натя принялась вспоминать все женские имена, которые ей когда-то нравились.

— Может быть, Лорена?

Лиса прикрыла лапой нос, и отошла от ведьмы на полшага. Натя вздохнула. До чего привередливая рыжая морда! И как прикажешь тебя назвать-то? И сколько ей придется думать и предлагать варианты, прежде чем лисица перестанет привередничать? Но выбора не было, и Натя продолжала предлагать лисе все новые и новые имена.

На Амелию рыжая вредина запустила в нее комом земли, Иоланта была встречена возмущенным рычанием, а Ирен — клацнувшими рядом с ногой Натии острыми зубами. Лисе ничего не нравилось. А Натя жалела, что у нее нет под рукой какого-нибудь словаря имен, чтобы говорить их по очереди, пока лисица будет выбирать. Очень хотелось назвать ее Белладонной, сокращенно — Белла. За характер. И ведьма

даже предложила такой вариант, надеясь, что лиса не решит ее за это все-таки покусать.

Но та посмотрела на нее с такой обидой в лучших своих лисьих чувствах, что Натии самой стало стыдно, и она долго чесала свою рыжую мохнатую беду, прежде чем продолжить предлагать все новые и новые имена. К удивлению Натии, когда она предложила вариант «Сердолика», сокращенно, Лика, лисица подошла к ней и положила голову на колени. И долго издавала звук, похожий на мурлыканье, пока Натия чесала ее бока.

Ведьме очень хотелось назвать лису заразой, которая никак не дала понять, что ей нравятся драгоценные камни. Но, с другой стороны, это все-таки лиса, и говорить она не умеет! Сама не догадалась, что уж там. Теперь стоило провести ритуал наречения имени и признать рыжую вредину своим фамильяром официально, так сказать. Натия чувствовала, что лес вполне может стать местом силы для такого благого начинания, так что с удовольствием принялась за дело.

Для начала она села прямо посреди поляны на собственный плащ, посадила Лику себе на колени и строго-настрого наказала той никуда не уходить с них, пока она не разрешит. Лисица посмотрела на нее недовольно, слегка прикусила запястье, да и свернулась клубком. К счастью, отпустив для начала. Лика оказалась довольно тяжелой особой, но Натия решила не обращать на это внимание. Привыкнет, куда она денется.

Она прикрыла глаза и настроилась на душу леса, как и в тот раз, когда просила у него приютить себя, но на сей раз с совсем другой просьбой. Ее чувства обострились, и теперь она слышала каждого муравья, проползающего мимо, каждый падающий листочек, каждого травоядного зверя, умирающего в зубах хищника. Она слышала сам лес. А это значило, что ритуал она сумеет провести без труда.

А еще Натия обнаружила, что видит нити связей и нити жизни, что с нею случалось совсем не всякий раз. И с лисцей ее уже связывала толстая зеленая нить жизненного долга, оставшегося за Ликой, когда Натия вытащила ее из ржавого капкана. Ведьма поняла, что связалась вовсе даже не с лисой, но с существом более могущественным, принявшим облик зверя и едва не поплатившимся за это. Она получила своего личного хранителя, фамильяра. Осталось лишь наречь имя и связать себя с духом окончательно.

Натия начала петь на древнем языке, которому ее когда-то учила бабушка, и мелодия ее голоса полилась над лесом. Чем дальше шла песня, чем громче раздавался голос Натии, тем сильнее крепла связь ведьмы и ее лисы, и тем серьезнее была магия, к которой Натия обращалась. Крепла зеленая нить, опутывая обеих, связывая их сердца. Даже побеги дала, опутав и Натию, и Лику. И после этого Натия закончила свою песнь словами на родном языке:

— Нарекаю тебя Сердоликой, подруга моей судьбы, примешь ли ты мою дружбу?

И хоть лиса, как и до того, ничего не сказала, но по нитям полилась в ведьму сила, и почувствовала Натия, как все ее тело окутывается теплом. Ритуал длился долго, они обменивались впечатлениями, чувствами и клятвами, но в конце его Натия чувствовала себя не ослабленной, а, напротив, намного сильнее, чем раньше. У ведьмы появился первый настоящий друг, который не предаст.

Глава 6. Решения. Аметис

Наирдж, имение Наирдж

Аметис

Аметис смотрел на Жози с недоумением. Настолько сильным, что его, казалось, можно было пощупать руками. Беременная девушка на кухне оказалась ее племянницей, которую повариха приютила, раз уж в доме все равно почти никогда не бывает господ. Против этого он, в общем-то, ничего не имел. Но почему нельзя было предупредить-то? Что он, изверг какой, и выгонит будущую мать?!

Не было беды пристроить девушку, да и с ребенком после найдется, кому управиться, но если бы он знал, то хоть лекаря бы вызвал. Она же вот-вот родит! И сколько еще таких сюрпризов приготовит собственное поместье? Аметис чувствовал себя странно. Он воспринимал имение, как здание, которому нужен уход, и был уверен, что немногим постоянно обитающим в нем людям, всего хватает. А оказалось, это не так. Оказалось, если не бывать в имении, то и без тебя произойдут в нем разные события, и никак тому не помешать, будь ты хоть принцем, хоть демиургом.

В этом он вскоре и убедился, обнаружив в доме множество мальчишек и девчонок, которых никогда не нанимал и в лицо не знал. А ведь Аметис был уверен, что кроме конюха и кухарки в Наирдже нет никого! Не проверял, правда,

чего уж там, но больше он ни с кем в свои редкие визиты не сталкивался, в счета и сметы не смотрел, да и уверился, что лишь эти двое своими силами и поддерживают имение в ухоженном виде. Пришлось идти, навещать Жози на кухне, мешать руководить царством котла и поварешки, и вопросы задавать. Кухарка только руками всплеснула:

— Да где это, Ваше Высочество, видано, чтобы целое имение двое обихаживали! Тут, конечно, пыльно было без вас, и не так красиво, как должно, да только если б мы в самом деле вдвоем справлялись, Наирдж давно б обветшал! Нельзя было бы здесь жить, если б мы несколько лет тут вдвоем провели! Не ночуют тут помощники, что правда, то правда — к чему это без господ? Но без них я бы и не справилась. Я ж только по должности кухарка, а в самом деле домоправительницей заделалась. Я вам и сметы отправляла с гонцом! Вы ведь их подписывали всегда?

Аметис в этот момент навсегда уяснил, что это не Жози стоит стыдиться своей тайно протасченной в Наирдж племянницей, а ему, что он своими людьми совсем не интересуется. И большую часть бумаг подписывал, не глядя, утыкаясь в очередной весьма интересный магический или исторический трактат. Сколько всего он еще не знает? И Жози стоит назначить управляющей?

Аметис досадливо вздохнул. Его братьев отец отправлял в качестве наказания то в море, то слушать курс истории в Центральном Университете, то еще куда, где они могли на-

учиться тому, чего им не хватало. И только его король Дионетис сослал в собственное поместье, где сразу же и выяснилось, насколько он никудышный организатор! Оторванный от людей, словно пух от тополя. Принц ощутил, как уши стремительно краснеют, и заодно понял, что Жози все это время, пока он думает, ждет его ответа. И сказал вовсе не то, что собирался изначально:

— Прости меня, Жози, я совсем не знаю, как это — правильно управлять. Научишь? На примере Наирджа? Как маленького ребенка? А я тебя назначу управляющей, если хочешь. Все равно ты именно этим и занимаешься, — ему стоило большого труда говорить спокойно и уверенно, он даже улыбнулся кухарке. Ладони, как всегда, вспотели, и в глаза Аметис ей не смотрел, правда, но принц надеялся, что это ему простят. Хотя бы за титул, если уж ничем иным доброго отношения не заслужил.

К его немалому удивлению, кухарка побледнела и воскликнула:

— Да помилуйте, Ваш-Высочество! — и руками замахала так, что с поварешки ему прямо на нос попали капли бульона. — Всеми богами, и старыми, и новым, молю вас — заберите у меня эту работу и дайте спокойно руководить кухней! А управляющего в городе наймите, наверняка найдется тот, кому эта работенка по душе придется. Вы не помыслите худо, научить — научу, но не просите жизнь управленству посвящать, не годна я на энто, совсем не годна!

Обычно Жози говорила правильно, несмотря на то, была обычной крестьянкой — матушка Аметис постаралась, научила кормилицу своих детей. Не лично, разумеется — учителей наняла, но все же. Но иногда сбивалась, то от сильного волнения, то второпях. Аметис понятия не имел, почему она сбивается на этот раз, но зато отлично понимал, что управляющего действительно придется искать самому.

И вообще порядок тут наводить — и как бы не застрять вместо недели, скажем, дней так на пару десятков? Вдали от родной библиотеки, да по уши в нелюбимой работе, которую он с удовольствием перепоручил бы кому-нибудь еще. Так и собирался! Но решения принимать — ему? И ответственность за них потом нести — ему? Уши все еще пылали от осознания, что он и правда подписывал сметы, не глядя. А ведь попадись кто нечистый на руку — разбазарил бы казну абы на что! Хорошо хоть, не наследник. Но и так стыд один. Аметис вздохнул глубоко и постарался облечь сумбурные мысли в более гладкие, чем в голове, слова:

— Один я точно не справлюсь, Жози, поэтому мне в любом случае нужна твоя помощь. Я даже не знаю, что за город такой ты упоминаешь...

Он не успел договорить: повариха хлопала руками, как птица крыльями, и вытаращила на него глаза, подойдя почти вплотную. Даже поварешку бросила на стол, чего с ней не случилось на памяти Аметиса никогда.

— То есть вы даже не знаете, что рядом с именем го-

род одноименный стоит?! Вы никому никогда не признавайтесь, что настолько не знаете собственных владений, ваше-ство! Это ж позор какой на мою седую голову, принц, хоть и ненаследный, а совсем ничегошеньки про свою страну не знает! И еще прямо мне об этом говорит! — Аметис отступил от нее на шаг, и теперь уже совсем покраснел, с ног до головы, так сразу жарко от стыда стало. А Жози продолжила, уже более миролюбиво:

— Мы с вами так договоримся, Ваш-Высочество. Я — ничего такого не слышала, про ваши незнания да неумения. А вы — прочитаете все те книжки, что вам моя Лиззи в комнату принесет, и больше не будете задавать таких жутких вопросов. Книжки вы любите, знаю, да только не те. И эти тоже полюбите. А потом мы с вами и управляющего найдем, и с городскими я вас познакомлю, и поставщиков наших покажу... Все-все сделаю. Но только после! Я, конечно, женщина простая и вашей матушке многим обязана, но ежели она узнает — сама меня к себе заберет.

Аметису ничего не оставалось, кроме как кивнуть. Жози же, ни слова больше не говоря, всучила ему миску с похлебкой. Даже Аметис понял, что стоит сидеть и есть, а потом уже идти в комнату, где будут ждать нужные книги. Подумать только — кухарка принца от позора спасает... А ведь и правда — позор, именем всегда матушка занималась, а как Аметис вырос, и Наирдж к нему перешел, так он просто оставил в имении Жози с Францем, да и уехал, так ни разу

здесь и не появившись. И описания земель его интересовали лишь иностранных, интересных и манящих, а своих он и не знал совсем.

Прав был отец, сослав его в Наирдж, ой как прав. И Жози теперь тоже права, что прикрыла его перед прочими и отправила самому познавать упущенное. А если бы он в городе спросил его название? Что бы думали люди о том, кто должен их защищать и о них заботиться? Ничего хорошего! И даже беременная девица, племянница Жози, как-то на второй план отошла. Зато он понял, почему ему ничего не говорили. Толку говорить, если он слушать не умеет?

Похлебку он даже не съел — выпил, не ощущая вкуса, больше из-за чувства вины, чем из-за голода. И лишь после этого поплелся в свою комнату, глядя на собственные ноги и всячески избегая смотреть на своих людей. Ни одна выволочка отца не влияла на него так сильно, как отшатнувшаяся кухарка. Если он даже добродушную Жози обидел, то как быть с другими?! Хорошо хоть, шанс есть все исправить, но все равно краснеют уши и дрожит голос, стоит только заговорить.

Так, бичуя себя на все лады, он до комнаты и добрался. И обнаружил, что ни одной старой портьеры или иного свидетельства долгой заброшенности, там не осталось. Зато на столике рядом с кроватью его действительно ждала стопка книг. Он бегло просмотрел корешки, и понял, что это действительно описания земель его родной Виатанны и книги

по ее истории. И на неделю их в самом деле должно хватить, если только он не найдет в них все же больше знакомого, чем кажется на первый взгляд.

Аметис понял, что совсем не хочет читать эти книги. Ведь это будет не по желанию, а исключительно в силу необходимости, которой в его жизни и без того было достаточно. Однако перед глазами, как живая, встала обескураженная его незнанием кухарка, и принц снова покраснел до кончиков ушей. Он перебрал корешки еще раз, и взгляд зацепился за, казалось, совсем даже не историческое издание, а скорее исторический роман. «Об основании Виатанны или Возрождение из пепла одного баронства». На зачарованной, видно, еще во времена до Алых Ряс, обложке, был нарисован весьма похожий на него, Аметиса, мужчина, только ярко-рыжий и сероглазый, а рядом с ним стояла и улыбалась женщина. Блондинка с глефой, неуловимо напомнившая Аметису мать, причем тех времен, когда он был ребенком.

Они стояли чуть поодаль друг от друга, но художник постарался сделать так, чтобы в будущем браке этих двоих не усомнился и слепой. Очень уж красноречивым был взгляд статной женщины с могучим оружием. О чем книга, Аметис понятия не имел, но он все же открыл ее. И пропал на страницах, увлекшись приключениями многовековой, судя по всему, давности. Одна только мысль его поразила. Его предок, основатель династии Закэриас I... Он ведь колдовал! И увлекался магией точно так же, как и он сам! А теперь

отец потворствует Алым Рясам и помогает устраивать гонения на магов? Одновременно гордясь славными предками и ставя их всем своим сыновьям в пример? Это же глупо! Ведь уж отец точно никак не мог оставаться в неведении относительно истории правящего рода...

Эта мысль настолько поразила принца, что он тут же принял решение как можно скорее разобраться с делами поместья, и возвращаться в столицу, независимо от того, пройдет положенный срок его небольшой «ссылки», или нет. С отцом творится что-то неладное, а он даже не замечал и не думал об этом! И натолкнула... надо же, простая книжка!

Глава 7. Последствия. Натия

Где-то в лесах Наирджа

Натия

Как это ни удивительно, а с верной рыжей врединой под боком все у Натии спорилось куда быстрее и легче, чем даже в городе. Ведьме снова хотелось петь и танцевать, как было в лавке, хотя окружали ее лишь деревья, да лесные звери и птицы. Никто кроме Сердолики не слышал и не понимал ее песен, но дом все равно получался уютным и истинно ведовским. Хотя и сил пил, конечно, немало.

Тот самый дуб, через который духи леса общались с Натией, согласился изменить свою крону, чтобы ведьмин домик стал его частью, но одного согласия дерева было, конечно, мало. И каждый день, вставая с рассветом, Натия теперь перестраивала место в кроне так, чтобы можно было на нем жить. Сначала создала из самой большой ветви площадку, на которой комнатушка устроилась. Потом из множества маленьких веточек крышу плела — это все несложно было, да и Лика помогала.

А вот как пришла пора домик обустраивать, да способ в него забираться без трудностей, придумывать, сразу и настала беда бедовая. Самое маленькое изменение выпивало столько сил, что Натия лежала потом полдня прямо на нагретой солнцем земле, и не могла даже пожарить очередное

угощение Лики.

Лисица недовольно ворчала, иногда била Натю по носу лапой, не больно, а словно пытаюсь сказать, что ведьма с ума сошла, так себя загонять. А еще будила метким укусом, если Натя ложилась спать голодной. Как ни странно, следов от ее зубов не оставалось, но и спать после этого ведьме не хотелось. И только после ужина сон возвращался, а меховая рыжая вредина устраивалась рядом, сворачивалась клубком, и с довольным видом засыпала подле своей хозяйки.

Натя осознавала, что Сердолика заботится о ней по мере сил, и потому никак особо и не возражала против таких ее выходов. Может, будь она чьим-то фамильяром, и ей бы излишнее трудолюбие столь близкого существа по сердцу не пришлось, кто знает? Тем более, теперь Натя куда лучше понимала, насколько ее лиса — лесной зверь. Насколько нужен ей простор и свобода, и насколько она ими пожертвовала, связавши себя с человеком, пусть и ведьмой. Да, Сердолика не совсем лиса на самом деле, а все же не выбрала бы такую форму, не будь она близка по духу. Волшебные существа так не делают, это Натя знала совершенно точно.

Но домик создавать и обустраивать она все равно не перестала. Несколько дней работы на износ ушло у ведьмы, зато, как закончила, она получила жилище, скрытое в кроне огромного дуба. Неподвластное ни ветру, ни дождю, ни снегу. Была теперь в домике и постель уютная, и место обеденное, и уголок, чтоб травы в нем сушить, и даже своего ро-

да окно, дупло в большой ветке, сквозь которое можно было увидеть мир за пределами домика.

Только забираться пришлось ей — по обычной веревочной лестнице, сплетенной из лесной конопли, а Сердолике — с помощью лап и когтей. Когда Натия увидела, как легко лисица взбирается наверх, то сначала глазам своим не поверила! Ведьма даже и не знала, что лиса вообще на такое способна, хоть какая-нибудь на свете, не только ее, волшебная. Но Лика, словно поняв сомнения хозяйки, спустилась и забралась обратно несколько раз подряд, неведомым образом умудрившись даже царапин на коре не оставить. После этого Натия успокоилась и решила, что веревочная лестница вполне подойдет — ее и убрать можно, если вдруг кто придет незваным, в кроне-то ее домика и не видно.

А уж как приготовления для домика кончились, так ведьма и проспала двое суток кряду, несмотря на холодный нос Сердолики, которым лиса постоянно пыталась разбудить свою хозяйку. Кусать, правда, в этот раз не кусала, так что Натия успела отдохнуть и восполнить силы. Проснувшись такой голодной, что очередное угощение в виде подозрительно тощей лесной куропатки поджарила не на костре внизу, как обычно, а с помощью своей магии. Сил на это простое дело нужно немного было, и если ее и засекли Ищейки Алых, то давным-давно, еще когда Лику лечила. Так что Натия не боялась.

А уж потом и спустилась, и грибов собрала, и ягоды на-

шла. Одно ведьму тревожило: лес был словно сам не свой. И ягод на кустах куда меньше находилось, чем она помнила, и зверье бегало будто недокормленное, тощее и на тонких лапках. И даже деревья, что не на ее части леса были, и те казались пожухлыми, словно уже осень наступила, а не середина лета.

Не нравилось это все ведьме. Лес как будто пытался предупредить о чем-то, или о помощи попросить, чего раньше с ним не бывало. Решив свои проблемы, Натия начала это замечать, и сразу ощутила неясную, неоформленную тревогу. Что же случилось? Отчего такая беда, и как лесу с нею помочь?

И словно этого было мало, Сердолика все время норвила куда-то упасть или снова сломать лапу. Натия чувствовала, когда лисице грозили неприятности, и вытаскивала подругу до того, как с нею успевало что-то случиться, но такое «поведение» совсем не простого леса подозрений только добавляло.

Сердолика была могущественным духом природы, принявшим облик лисы. Если бы лес выпил силы такого духа, то это изрядно прибавило бы ему здоровья, если ему нужна помощь. Может быть, даже срок жизни продлило бы. Но не ценою же жизни Лики! Один раз Натия ее уже спасла, и на такой расклад была совершенно не согласна. Даже заговорила снова с лисицей вслух, хоть в том теперь и не было нужды:

— Не бегай теперь без меня охотиться. Могу и не успеть,

не спасти. И как я тогда без тебя буду? — в голосе ведьмы была тревога, которую фамилляр чувствовал и так. Лисица махнула ушами, но слушаться не спешила, и Натии оставалось только вздохнуть и смириться с вздорным характером своей рыжей подружки. До поры, до времени.

Один случай положил конец этому смирению. Натия собрала к тому времени достаточно трав, чтобы начать делать себе запас различных снадобий на всякий недобрый случай. Было у нее вдоволь и чабреца, и дикой мяты, и пижмы, и многих других полезных растений, а значит, она могла надолго занять себя варкой отваров и мазей.

То, что нельзя было использовать сразу, Натия вывесила сушиться, а остальное вынесла за пределы домика, спустившись вместе с травами, спустила следом котелок, да и устроила себе день зельеварения, как матушка бывало говаривала. Пока Натия травы вниз спускала, вредная лисица еще бегала рядом, то и дело тыкаясь в ноги любопытной мордочкой и норовя потереться об ведьму, как кошка. А когда Натия готовить начала — расчихалась, расфырчалась, твякнула что-то возмущенно, да и убежала вглубь леса, как только хозяйка отвернулась.

Натия ни возмутиться не успела, ни попытаться остановить. Да и где ж ее остановишь, шуструю, рыжую и своевольную? Захотела в лес — убежала, только ее и видели. Тревога тут же начала грызть Натию, но она знала лес совсем не так хорошо, как лисица, и надеялась, что та будет осторож-

на. Поэтому не стала отменять своих занятий, и продолжила варить полезные снадобья. Она так увлеклась, что треть суток провела за этим, совсем позабыв о тревоге. И что удивительно — в этот день самые необычные, экспериментальные отвары получались с первого раза, да еще и с меньшего количества ингредиентов, чем Натия рассчитывала, а самые простые примочки, например, те, что помогали при ломоте в костях, не получались вовсе. Причину этого явления ведьма так и не поняла, но порадовалась, что теперь сумеет ненадолго стать невидимкой, как и рассчитывала. Да и универсальное противоядие запасла — мало ли, что случится?

А вот зачем ей уменьшающий напиток, Натия понятия не имела, но здраво рассудила, что раз получилось сварить, да еще и случайно, делая лекарский отвар, то почему бы и не оставить. Вдруг пригодится где? Снадобье это делало человека размером с мышку, правда, Натия и сама не знала, насколько долго продержится эффект — первый раз такое сварила, да и то, ошибившись в рецепте.

Но пока суд да дело, успело стемнеть, а Лики всё не было. И когда Натия разлила творения рук своих по деревянным, начарованным из отпавших сучьев, сосудам, и отнесла в домик, она вдруг поняла, что все ее существо охватывает тревога. Не убегала лисица раньше столь надолго, всегда через пару-тройку часов возвращалась с добычей в зубах.

Прислушавшись к себе, Натия поняла, что совсем слабо чувствует связь с фамильяром, словно ее что-то глушит. И

тут-то стало ведьме нехорошо. Что могло случиться? Куда и зачем ввязалась рыжая глупышка? Бросив все дела, и оставив домик на дереве без защитных заклятий, Натия бросилась туда, куда звала истончающаяся связь.

Она гнала ведьму на запад от домика, куда-то вглубь волшебной чащи, да еще и в те ее части, где встречалось подозрительно много паутины. Пауков Натия не любила, но знала, что многие из них — не простые земные твари, а нечто куда более могущественное. Многие крупные пауки были разумны и умели общаться мысленно с теми, кто готов был их услышать. Многие — также были воплощениями духов леса или природы, как и Сердолика. Более темных и глубинных, оставленных еще старыми богами, но все же духов.

Так что, хоть восьмилапые твари и были Натии не по нутру, а все же она с ними не ссорилась и без причины не нападала. Только попытка убить Сердолику — это причина не напасть, а сжечь всю колонию пауков сей же час! И ведьма, приближаясь к глубинам чащобы, где деревья выглядели были темны и изогнуты, а на кустах попадались крупные клочья паутины, была полна решимости вытащить рыжую подружку любой ценой. И совершенно неважно, зачем она тварям понадобилась!

Связь вывела ведьму к огромному дереву, вся нижняя часть которого состояла из дупла, в котором не видать было ничего из-за паутины. Духи леса! Она была права! Натия зло прошипела ругательства на староэльфийском себе под нос, и

подошла ближе к дереву. Из-под ног врассыпную бросились неведомо откуда взявшиеся стайки мелких пауков, но ни одного из них Натии не удалось раздавить, хоть она и пыталась. И прежде чем ведьма успела открыть рот и сказать хоть слово, из дупла выплыл, не касаясь лапами земли, огромный паук, выше ведьмы раза в два.

— «Лес гибнет! Ее душа и тело пойдут на поддержание жизни. Такова судьба духа леса! Уходи!», — услышала Натия в своей голове глубокий, громкий голос. И тут же упрямо замотала головой. Она не думала осмысленно, но посыл: «Сердолику не отдам!» паук уловил, и зловеще щелкнул жвалами прямо перед ее лицом, вмиг оказавшись напротив ведьмы.

Глава 8. Последствия. Аметис

Наирдж, имение Наирдж

Аметис

Аметис не спешил. Оправился от первого потрясения и понял, что спешкой горю всяко не поможешь. Да, его поразило, что основателем рода был маг, да еще и такой же увлеченный таинством волшебства, как и он сам, но кое-что наставники успели втемяшить в бедовую голову младшего принца. Нельзя верить одному источнику, нужно проверять несколько и искать совпадения в знаниях и точках зрения разных людей или нелюдей, пишущих книги. Этим принц и занялся, наивно решив, что время еще есть, и главное разобраться во всем подробно и не наделать ошибок.

И хотя мнения насчет Закэриаса у современников разнились, и многие называли его злобным выскочкой, пошедшим поперек собственного отца помогать чуждому государству, а другие и вовсе писали, будто он затеял это все ради власти, а главное подтверждалось. Этот неведомый ранее предок и правда был волшебником, посвященным в искусство магии. Больше ученым, чем практиком, но все же! Говаривали, будто за ним всегда летала волшебная сова, бывшая совой лишь по названию, а на самом деле воплощавшая то ли младшего лесного духа, то ли кого-то из мелких небожителей, посланных ему в охрану. Мнения разнились, но в существовании

совы, магии и помощи от мистических сил, не сомневался никто.

В сказки, будто предку даже драконы прислуживали, Аметис не поверил. Как не поверил и в то, что один из этих высокомерных существ спас будущую на тот момент супругу основателя рода, рискуя своей жизнью, и за то был награжден воскрешением из мертвых. Вот уж воскрешать магия не умела точно, как и подчинять себе крылатых своевольных тварей, способных сжечь целый город! Но в главном очевидцы тех событий меж собой не спорили. Он действительно был магом. А значит, идя против магии и волшебства, отец идет против самой сути своей семьи. И это странно! Так не должно быть!

Убедившись в этом, Аметис вылез, наконец, из своей комнаты, куда ему все это время служанки носили пищу, и решил отправиться в город. Он взял с собой Жози, одну служанку и пару человек охраны, решив не привлекать к себе большого внимания, о чем кухарке и сказал. Она в ответ посмотрела на него странно, надолго задержав взгляд, но кивнула, и пообещала помочь с поисками и выбором подходящего управляющего, раз уж молодой принц всерьез решил взяться за ум. Аметис сделал вид, что про ум ничего не услышал, и на сей раз сел в шестиместную карету вместе со своими людьми. Его даже уговорили сесть назад, как положено аристократу его уровня.

Ехали совсем недолго, но принц снова не замечал ничего

вокруг, погруженный в мысли о неправильности отцовского сотрудничества с Алыми. Хоть и смотрел он прямо перед собой, а не видел ничего, кроме «картинок» из прошлого, о котором прочел, прокручивая их в голове снова и снова. Нет, не сходилось. Неправильно. Непоследовательно. Не стал бы так себя вести мудрый и уравновешенный Дионетис, всю жизнь ставивший долг перед страной превыше всего на свете.

Но стоило карете подъехать к городу Наирджу, случилось нечто, выбившее из задумчивости даже Аметиса, при всей его способности присутствовать в реальности лишь условно, пребывая мыслями далеко-далеко. Вернее будет сказать, случилось это давно. Но увидеть довелось лишь сейчас.

Прямо возле деревянного столба с указателями, на въезде, раскидистый дуб, который, как выяснилось, Аметис смутно помнил по детству, превратили в виселицу. И висели на нем не разбойники и убийцы, обычно носившие после темниц рвань, а добропорядочные граждане. И что-то подсказывало принцу, повешены они были без суда и следствия, как обычно людей Алые Рясы вешали, если те им ведьму не выдавали. Трупов было всего пять, но он и того предпочел бы не видеть.

Жози от этого зрелища вскрикнула и начала осенять себя знаком Верховного, коснувшись двумя пальцами сначала лба, а затем правого и левого плеча. Несмотря даже на то, что поклонение старым богам не приветствовали! Аме-

тис про себя отметил: настолько испугалась, что и прятаться перестала со своей «неправильной» верой. Он решился спросить:

— Матушка Жози, вы кого-то из них знали? — детское обращение, видно, немного встряхнуло кухарку и бывшую кормилицу, и она встrepенулась, обернулась к нему и ответила уже спокойным тоном.

— Двоих знала, Ваше Величество. И ни портниха Августа, ни юная девочка, Лисса, что ближе всего к вам висит, такой участи не заслужили. Точно вам говорю!

— За что же это могли их тогда?.. — спросил принц, избегая слова «убить».

— А я почему знаю? Еще неделю назад лично их видела, все хорошо было, они и планы делали, у Лиссы семнадцатилетие близилось, они праздник справить х-хотели, — голос Жози дрогнул, и Аметис успел увидеть, как блеснула влага в уголках ее глаз, прежде чем она отвела взгляд. Кухарка же сердито добавила:

— Ваша задача — выяснить, почему честный люд повешивать начали, ваша, не моя! Я в этом ничегойшеньки не понимаю, да и не станет никто объясняться с какой-то старухой. То ли дело принц, пусть ненаследный, и владетель этих земель!

Он хотел было спросить, с кем лучше всего на этот счет разговаривать, но Жози снова перешла на простой говор, да еще и куда сильнее, чем обычно, и Аметис понял, что для

нее эти люди были дороги. Ничего больше не понял, правда, но и этого хватило, чтобы замолчать и тактично оставить женщину переживать горе в карете, вдали от посторонних глаз и различных знакомых.

Но делать что-то было нужно. Хотя бы узнать, что случилось, и почему кто-то позволил себе такие вещи творить, да на его личных землях. В идеале — узнать, затем допросить и казнить за самосуд, по тем же пунктам закона, по каким обычно излишне ретивых аристократов казнили. Только не благородно, мечом обезглавить, а на этом же самом дереве повесить! Не по сердцу Аметису пришлось зрелище перед его глазами, и сдерживающая слёзы Жози совсем не понравилась.

И первое, что сделал принц, как только карета въехала в город, это вышел из нее и бросился к ближайшему стражнику, толстенькому скучающему мужичку с жиденькой бородашкой. Тот ничуть висельниками не интересовался, стоял себе на посту, да травинку жевал, и мелодию какую-то на-свистывал. Жози, когда карета подъехала достаточно близко, чтобы его увидеть, и вовсе повернулась вглубь кареты, хоть это и было совершенно неудобно. Аметис тихо ругнулся себе под нос — на мертвом уже языке, чтобы никто не понял — и поинтересовался:

— Каково звание, как зовут, как давно служишь?

Приветствовать стражника ему отчего-то не хотелось, и хоть он и сам не знал, отчего так, но решил себе верить и

сразу задавать вопросы, не размениваясь на фальшивую вежливость. Стражник же лениво развернулся, смерил принца долгим взглядом, особенно всматриваясь в необычный цвет глаз, и протянул:

— А-а, Ва-а-а-ашество. А мы вам больше не подчиняемся, знаете ли. Такчт и на вопрошательства можно не отвечать. Шли б вы тудыть, откуда явились, не видать вас было все эти годы — так и теперича лезть уже не в свое дело не нать.

Аметис на мгновение отступил на шаг, и замер, просто глядя прямо перед собой. В его голове проносились все предупреждения отца, что о своих владениях нужно заботиться независимо от их размера. Упреки матери, даже ехидные замечания старших братьев. Со стороны он выглядел как рыба, внезапно выброшенная на берег. Но неожиданно громкий всхлип Жози все расставил по местам. Принц встряхнулся и холодно поинтересовался:

— Это кто и когда успел освободить тебя от присяги королю и королевскому дому Альтанна!? Или Наирдж завоевали враги, но никто, кроме одинокого стражника, об этом не знает? Немедленно доложишь по форме! — последняя фраза прозвучала настолько похоже на Его Величество, что стражник вздрогнул, выпрямился и отдал честь.

Возможно, правда, сделал он это потому что пальцы принца сверкали холодом, а аметистовые глаза, напротив, пылали, демонстрируя его готовность обратиться к изначальным стихиям, но сам Аметис этого не знал. Стражник же залече-

зил, сразу как-то съежившись и став меньше даже на вид:

— Так это... обычный рядовой стражник я! Иттином меня кличут. А решения у нас капрал Бирн принимает, он и велел Вашество, если что, ни к чему не допускать и отправить восвояси. Я не при чем, я просто приказы выполняю, как мне и положено!

Аметис лишь кивнул и продолжил холодно смотреть на стражника. Тот шумно сглотнул и добавил:

— Его можно в башенке найти, в левой охранной. Он там себе энтот... кабунет обустроил, во. Посетителей принимает! Важный стал...

Принц снова молча кивнул и отпустил стражника жестом руки. Тот метнулся на свое место, оказавшееся на удивление далеко от того, где он стоял и жевал травинку, и вытянулся, расположив руки вдоль весьма немаленького туловища. Стойка «смирно» в его исполнении выглядела даже забавно, но Аметису было не до смеха. Что-то творилось в его городе, а он понятия не имел, что! И обвинять, кроме себя, в общем-то некого. Он вздохнул. В голове снова пронеслись бесчисленные наставления Его Величества, которые принц с успехом игнорировал, соглашаясь лишь на словах.

Однако, сожаления делу ничуть не помогали, и Аметис отправился к упомянутой Иттином «башенке», искать загадочный «кабунет». Принц вполне догадывался, что мог стражник одарить подобным названием, но словцо вызывало у него истерические смешки, тем, насколько отражало «пол-

номочия» провинциального капрала. Так он решил мысленно это место и называть.

Башен, собственно, было две, и входы в обе располагались по той же стороне крепостной стены, в какую открывались ворота. Вовнутрь, разумеется. Строили всю эту конструкцию еще в те времена, когда жил Зэкеиас с его совой, так что, хоть стены и башни выглядели весьма потрепанным, но камень в их основу клали добротным, поэтому свою задачу стена выполняла хорошо. В случае нападения, Наирдж можно было закрыть и оборонять столько, сколько у защитников окажется припасов. Вернее, можно было бы, не будь там всего десяток стражников, у которых даже капрал всего один.

Именно об этом и размышлял Аметис, прогулочным шагом направляясь через высаженные чьими-то заботливыми руками тонкие деревца, к винтовой лестнице, ведущей внутрь башни. Глаза его все так же сверкали холодом, но принц не торопился, а, напротив, как будто старался добавить эффектности своему появлению. Охране он одним жестом приказал остаться возле кареты, и теперь каждый его шаг оставлял ледяной след, тающий спустя несколько мгновений.

Тяжелая металлическая дверь на нижний ярус башни поддалась принцу с трудом — все же, тяжелых лат он никогда не носил и управляться привык не силой, а магией и природной ловкостью. Он даже чуть не отпустил дверь прямо себе на ногу, но, к счастью, вовремя поймал. Ярость его это лишь

усилило. На нижней площадке никого не было. Лишь деревянный ящик неизвестно с чем, на котором стояла одинокая початая бутылка кисло пахнущего пива, да почти скатившаяся к краю ящика кружка. Аметис подозревал, что в ящике «стражники» хранят добавку, но проверять не стал, и сразу отправился наверх.

Спустя три лестничных пролета он увидел добротный дубовый стол, за которым дрых не в меру упитанный молодой мужчина лет двадцати пяти на вид, немногим младше самого Аметиса. Глаза принца снова сверкнули холодом, и толстяка тут же разбудил ледяной удар прямо по тому месту, которым он так удобно устроился.

— Магуи! Нападают! Тревога! — с перепугу закричал стражник, едва не подпрыгнув на явно украденном из какой-то мебельной лавки мягком кресле.

— Каково звание, как зовут, как давно служишь? — повторил Аметис вопрос, заданный прежде Иттину. — Отвечать, когда спрашивает твой принц! — добавил он громко, когда понял, что стражник лишь озадаченно моргает на него спросонья.

— Капрал Бирн! — так же громко ответил тот, отдав честь и поднявшись с кресла. — Служу пять лет! — а затем взгляд стражника стал более осмысленным, и он, совсем не испуганно, в отличие от его подчиненного, сообщил:

— Пока вы, Вашество, в столице отсиживали свой царственный зад, мы уже подданство сменили. Уходите, а то ре-

бьята вас заколют, да и дело с концом! — голос его был на удивление спокойным, и Аметис снова едва не отступил на шаг, на этот раз удержавшись. Он почувствовал, как магия вырывается из-под контроля, словно вместо него противясь попытке «сменить подданство». Холод охватил всю верхнюю часть башни, отчего даже ковер из куцей шкуры неизвестного животного, вероятно, бродячего пса, стал похож на ледяной каток.

И уже после этого стражник задрожал. Не только лишь от холода, как мигом понял Аметис. И поинтересовался, голосом, ничуть не более теплым, чем неожиданно проявившая себя магия:

— И кому же вы решили присягнуть, капрал Бирн? Али вы не знаете, что клятвопреступление против короны обычно кончается казнью?

— А-а-а-лым, Вашвысочество! — честно ответил тот, глядя на принца круглыми глазами.

Аметис всмотрелся в капрала, и снова его аметистовые глаза переливались ледяным пламенем, отчего Бирн мелко дрожал и едва ли не плакал, мигом растеряв всю свою спесь.

— Эт-т-т-о они п-п-п-овес-с-сили тех бедолаг! Я просто не хотел к вешанным присъединится! — проговорил он как мог, быстро. — Г-г-оворят, к-ко-р-роль с ними!

— Допустим, я тебе верю, — принц неосознанно скопировал интонации отца, и даже Бирн понял, что эта фраза значит на самом деле. — Допустим также, что я спущу и дерзость,

и попытку переворота в Наирдже, и даже за несанкционированные казни накажу лишь Алых, когда найду их. Однако... где гарантия твоей верности, капрал Бирн?

Принц пристально взглянул на Бирна. Магия начала рассеиваться, отчего ледяная комната все больше оттаивала, впрочем, никакой лишней воды не оставалось. Капрал едва не рухнул обратно в кресло, но начал рассказывать.

Как оказалось, Алые Рясы были здесь, и пытались найти какую-то ведьму. Не нашли ее, обвинили нескольких горожан в сговоре с колдовской силой, и приказали повесить. Когда второй капрал возразил, что закон здесь — Его Высочество, и никто кроме него казнить и миловать права не имеет, Алые своими силами первым повесили капрала. Больше желающих возразить не нашлось. Не утаил Бирн и того, что большую часть висельников — собственно всех, кроме второго капрала — он и помогал вешать, за что и получил конфискованное Алыми у владельца мебельной лавки кресло, кабинет в башне, и место «временного наместника».

Выслушав все это, Аметис приказал Бирну сопровождать его к карете. Тот с готовностью подчинился, глазами побитой собаки глядя на принца и следовал, не отставая ни на шаг. Уже заметно расслабившись, он рассказал и про поиски ведьмы, и про то, что ее сдавали все без исключения горожане, поскольку таковая здесь и правда жила, да только все, словно сговорившись, рассказывали вовсе разное. Когда же они дошли до людей, приехавших в Наирдж с Аметисом,

принц бросил своим телохранителям:

— Схватить его!

Крупные, тренированные мужчины, не склонные к излишества, легко скрутили капрала, после чего Аметис жестом приказал подвести Бирна к тому самому дереву. А затем, снова вспомнив отца, произнес:

— Властью королевской фамилии, данной мне Богом-Отцом, я зачитываю приговор и приказываю привести его в исполнение. За государственную измену, а также попытку прямого неповиновения владельцу Наирджа, капрал Бирн лишается своего звания и права быть стражником, солдатом или иным верным слугой Виатанны пожизненно.

Растерянный и тихо хнычущий себе под нос «вы же обещали!» бывший капрал при этих словах расправил спину, но Аметис продолжил:

— За добровольное участие в пытках и казни простого люда и поддержку узурпаторского ордена Алых Ряс, бывший капрал Бирн приговаривается к казни! В силу смягчающих обстоятельств в виде чистосердечного признания, казнь должна быть осуществлена через повешение. Да будет так!

— Да будет так! — хором откликнулись оба телохранителя.

Бирн же попытался отбиться и вырваться, но его без труда поймали, и подвели к дереву, где как раз болталась свободная веревка, и даже было высокое полено, на котором явно стояли перед смертью и безвинные жертвы Алых Ряс. Силы

духа стоять и смотреть, как проводится казнь, Аметису не хватило, и принц отвернулся.

Как только с бывшим капралом было покончено, Аметис подозвал обоих телохранителей, и бросил:

— Отныне новыми капралами Наирджа назначаю вас двоих. В случае если сюда вновь явятся Алые, я приказываю прислать почтовую птицу.

Что-то было во взгляде и голосе принца, что ни один, ни второй, до поездки настаивавших на необходимости охраны, не проронили ни слова, лишь отдали честь. Аметис же сел в карету и коротко бросил:

— Мы едем в поместье. Затем — я снова уеду. Я нужен отцу.

Но не успела карета тронуться, как к ней подъехал мужчина на вороном коне. Осмотрев его с головы до ног, и заметив, что тот одет целиком в зеленое, Аметис понял, что ему сейчас передадут письмо. И приказал:

— Остановитесь. Это гонец.

Спустя несколько минут ему молча передали запечатанный сургучом конверт. Представиться гонец не считал нужным, но в том и не оказалось необходимости. Бумага была гербовая, с печатью рода Альтанна, упрощенным изображением совы. Письмо отца.

Глава 9. Отчаяние. Натия

В Гнездовье Пауков

Натия

От жвал паука Натия успела отскочить. Только она совсем не считала себя пугливой, хоть и недолюбливала восьмилапых тварей искренне и от души. В паука полетело иллюзорное лезвие. Оно, хоть и исчезало сразу после удара, а разило ничуть не хуже настоящего. Тварь неведомым движением лап уклонилась, и зашипела прямо в голове Натии, отчего ведьме стало больно:

— «Ты должна отдать ее нам!»

«Голос» твари отдавался в виски и был подобен громогласному скрипу когтей о натертую воском половицу. У Натии брызнули из глаз слезы. Она ожгла лапы огромного паука, почти инстинктивно бросив в него нужное заклинание. Тварь зашипела, хоть ведьма и сроду не слышала, чтобы пауки издавали такие звуки. Какие угодно звуки! Но долго так продолжаться не могло. Паук огонь, конечно, оценил, но Натия лишь чудом не подожгла лес. Ведьма быстро подошла к пауку, и занесла над ним огненные ладони.

— Если вы не отпустите Сердолику, я сожгу всю колонию, и мне все равно, что станется с лесом! — вскричала Натия, и видно, паук сумел почувствовать на себе жар ее рук. Тварь быстро защелкала хелицерами, но стоило пауку попробовать

вцепиться, как его снова опалило пламенем. Натия отпрыгнула к огромной паутине в которой запуталась лиса, не ожидая от себя такой прыти. Дупло дерева, опутанного паутиной, было совершенно сухим и должно было хорошо гореть. И ведьма снова проговорила:

— Если погибнет Лика, я уничтожу всю колонию! Отпусти ее!

Какие-то долгие мгновения, паук смотрел на пламенные ладони Натии, что находились в одном быстром движении от паутины. Ведьма даже успела рассмотреть, что огромная белая сеть действительно связана и с уходящей куда-то вглубь паутиной, за которой виднелись горящие красным паучьи глаза. А значит, если Натия подожжет ее — пауки сгорят. Дерево прогнило насквозь? Или логово ведет куда-то за пределы материального плана? Этого Натия не знала, но видела, как паутина протянулась далеко-далеко. Да, погибнут! Если не все, то многие. Понял это и главный паук, и снова яростно защелкал хелицерами. Натия опять услышала в своей голове его скрежещущий голос:

— «Я понял. Убирайтесь!»

И паутина исчезла, словно ее здесь и не было, высвобождая Сердолику. Натия погасила огонь на кончиках пальцев и бросилась к фамильяру. Лиса как будто спала, только дышала куда глубже обычного, и не проснулась, даже когда упала с исчезнувшей паутины. И потом, когда Натия взяла ее на руки, и начала тормошить. Паук, увидев, как на одной сво-

бодной руке ведьмы вновь загорается огонь, проскрежетал:
— «Она очнется с рассветом. Вон!!!»

Из леса показались и другие пауки, несколько десятков или даже больше, хоть они и уступали размерами этому, главному. И Натия не стала медлить, прижала к себе сильнее Сердолику и побежала так, как не бегала никогда. Ее сердце бешено колотилось, а руки дрожали, но она бежала до тех пор, пока не оказалась в своем домике на дереве. И даже там, уложив Лику на постель, Натия дрожала, словно от холода. Она тихо пробормотала:

— Если бы мой блеф не удался, они сожрали бы нас обеих. Мне не хватило бы сил уничтожить столько духов леса, даже их материальные облики!

И лишь сказав вслух то, о чем не хотелось даже думать, отчего-то сумела успокоиться. А что слезы текли из глаз, не останавливаясь... Натия предпочитала думать, будто ей это кажется. Как и невероятная удача, позволившая добежать домой в темноте, и не столкнувшись ни с чем пострашнее колонии пауков. До утра не могла уснуть, постоянно поглаживая Лику. Лишь к рассвету, когда лисица приоткрыла один глаз, Натия расслабилась и задремала, сидя на полу своего домика рядом с постелью, положив голову на кровать.

Проснулась ведьма от того, что Сердолика настойчиво облизывала ей нос. От сна в неудобной позе затекла спина и болели руки, но ничего не могло омрачить радость Натии. Вредная лисица действительно оправилась от своего корот-

кого, но жуткого «приключения»! Даже, как рассмотрела Натия за спиной Лики, успела сбегать поохотиться и притащить очередную парочку перепелок. Тихо ругнувшись себе под нос, ведьма поднялась с пола, держась за кровать, а затем села на нее. За оставленным специально на такой случай окошком уже был белый день, хотя обычно Натия поднималась с первыми лучами солнца.

Сердолика, стоило Натии сесть, положила хозяйке на колени передние лапы и пушистую голову. Лиса смотрела на ведьму как щенок, который только что случайно укусил хозяина и теперь страшно раскаивается. Она даже как будто стала еще более пушистой, словно говоря: «Вот видишь, я раскаиваюсь, и я красивая — гладь, а не сердись!»

Натия рассмеялась, глядя на это представление, и Лика убрала лапы с ее колен, зато быстро положила на них аж целых четыре куропатки. По очереди. Налицо был подкуп, но выглядела Сердолика столь уморительно, что ведьма, глубоко вздохнув, произнесла:

— Считай, что я тебя простила. Но впредь ты будешь меня слушаться! — и погрозила лисице пальцем. Та повернула голову набок, и сунула длинную морду Натии под руку. Ведьма покорно погладила пушистую заразу, понимая, что так лиса обещает больше ее просьбы не пропускать мимо ушей.

Однако, нужно было понять, что же все-таки творится с лесом, и кроме Натии сделать это было некому. Поэтому, успокоившись после пережитого, ведьма глубоко задума-

лась, как достоверно выяснить, что же случилось. Пока она размышляла, успела и позавтракать добычей Сердолики, и привести свой лесной домик в порядок, и порыться в оставшихся от матери и бабушки свитках.

Там-то она и нашла описание нужного ритуала, в котором как раз могла помочь Лика. Прирученный лесной дух мог «позвать» своих добрых собратьев, и тогда они будут готовы ответить на три вопроса. Если, конечно, принести правильную жертву. Тут-то пригодились и остальные куропатки, и некоторые травы, что Натия собирала больше по устоявшейся привычке, чем из-за какой-то необходимости, и сушила на черный день.

В полночь, под луной, обнаженная Натия развела большой костер, где сожгла десяток пучков розмарина, свежую пижму и букет алого колокольчика. Там же она сожгла и трех из четырех куропаток, причем птицы быстро истлели до пепла, благодаря чему Натия поняла: жертва принята. А затем они с лисицей плясали возле огня, и та тьякала в такт движениям хозяйки, словно напевая какую-то дикую песню.

Наконец, в мареве огня показались трое. Полупрозрачные звери, не до конца воплотившиеся природные духи: Олень, Змея и Волчица. Натия знала, что она может задать по одному вопросу каждому из них, и ответы будут хоть и туманными, но правдивыми. Первой она обратилась к Змее:

— О мудрая госпожа, дух, воплощающий существо, что отвечает ударом лишь на удар, скажи, что вынуждает лес по-

жирать самое себя? Какая беда требует такого решения?

Конечно, вслух ей никто не ответил. Зато перед мысленным взором Натия увидела, как группа Алых жжет рыжеволосую девушку, пока та пытается погасить огонь призывными лианами. Пламя с легкостью пожирало все, чтобы она ни призвала, и зрением, данным духами, Натия видела, как сильнейшая природная магия девушки не включается в цикл перерождений, а словно утекает в трещину в небе. Натия знала, что эта магия поддержала бы лес, на другой стороне которого и происходила казнь, но огонь Алых просто забрал ее у мира! Выходит, это не совсем обычный огонь? Он чем-то примечателен?!

Словно в ответ на ее вопрос следующая «картинка» изображала Клерика Алых, в золотой диадеме с рубинами, как и все их высокопоставленные служители, который подошел к еще горящему костру и простер над ним руки, что-то беззвучно напевая. Духи не знали человеческого языка, так что Натия могла разбирать лишь по губам, но этого хватило, чтобы понять: Клерик забрал силу себе. И теперь это вовсе не чистая магия природы, а нечто совершенно иное. Но что? Ответа на этот вопрос духи явно не знали, потому что Натия очнулась, и теперь рядом с нею были лишь Олень и Волчица.

А Натия поняла, что неверно поставила свой вопрос, и поэтому вторым «ответчиком» выбрала Волчицу. мех ее серебрился, привлекая взгляд ведьмы, и дух природы вышел вперед, оставляя Оленя за своей спиной. Над вторым вопросом

Натия задумалась сильнее, и заговорила совсем не сразу:

— О, мудрая госпожа, дух, воплощающий существо, чья суть — верность семье и долгу, скажи, что дает лесу поглощение духов, для чего это необходимо?

Как и в прошлый раз, она получила ответ не словами, но образами. Сначала ведьма увидела, как исчезают напугавшие ее пауки, и никто больше не работает своего рода палачом на службе у волшебного леса. И как течет время вперед и вперед, а лес все больше теряет красоту, и вскоре от него остаются лишь сухие ветки, смотрящие в небо, да дикая пустошь, без следа какой бы то ни было жизни. И, словно сравнения ради, рядом стоит она сама и постепенно стареет. Лес в этом видении погиб раньше, чем Натия превратилась в глубокую старуху. А ведь духи леса наверняка не знают, что маги живут дольше обычных людей! Натия вскрикнула, осознав, что значит показанное ей, а видение сменилось на другое.

Здесь постепенно погибла и Сердолика, все же поглощенная колонией пауков, и те духи, которых она призвала для получения ответов, и многие другие. Однако рядом с ним стоящая женщина — на сей раз, почему-то, не Натия — успела найти супруга, завести детей, состариться и умереть. А затем так же нашли супругов, обзавелись детьми, состарились и умерли и ее дети, и дети ее детей, и даже их внуки. Только вот потом лес все так же погиб, пусть и не оставив земли бесплодными. И эти два видения, исстаяв, словно ту-

ман по утру, дали Натии исчерпывающий ответ. Рядом с нею остался лишь Олень, величественно кивнувший рогатой головой, словно Натия была его старой знакомой. А быть может, так оно и было?..

Третий вопрос ведьма знала еще в тот миг, когда созерцала яркий и болезненный ответ на второй. На сей раз не мешкая, она сказала:

— О, господин лесных чащоб, дух, воплощающий как воинскую удаль, так и милосердие, скажи мне, чем помочь лесу? Как остановить поглощение им самого себя, не обрекая все живущее здесь на погибель?

Конечно, ответом снова было видение. Натия оказалась рядом с некоей тенью, силуэтом человека без лица и каких бы то ни было выделяющихся черт. Но руки его светились зеленым, и призывая магию, силуэт призывал волшебные растения и животных. Оказавшись в лесу, загадочный маг сотворил волшеббу, прошептав неизвестное заклятие, и в лесу началось буйство роста. На месте одного дерева появлялись три, на месте единственного кустарника — непроходимая чащоба, а травы разрослись так сильно, что доходили ведьме до шеи. Правда, вместе с неизвестным ритуалом, на маге появилось и незнакомое Натии одеяние — широкий плащ из звериных шкур и юбка из длинных белых перьев. Подходил не любой маг, владеющий силами природы? Или это значило что-то еще? Натия не понимала, но видение исчезло, тут же сменившись новым.

В этом видении, как ни удивительно, леса не было вовсе. Оно походило на бесконечное множество сменяющихся картин, или на калейдоскоп воспоминаний о не-случившемся. И все элементы видения объединяло одно: орден Алых Ряс и его члены в каждом из них уничтожался. Руками ли разъяренных магов, богами или самой природой, но чудовища в красных одеяниях погибали. И когда Натия в последний раз очнулась после видений перед потухшим костром, она поняла: Алые ломают что-то в самой сути мироздания.

К ее ногам бросилась Сердолика, и потерлась о них, словно кошка. Весь вид лисы выражал трогательное беспокойство за хозяйку, но Натия не сразу поняла, отчего та переживает. Лишь несколько минут спустя ведьма ощутила странный холод, несмотря на то, что вокруг царила теплая летняя ночь. Переведя взгляд на свои руки, она увидела, что они покрыты инеем. Обнаженная ведьма бросилась обратно в свой домик. Нужно что-то делать! Стоять в стороне просто нельзя!

Глава 10. Отчаяние. Аметис

Город Наурдж

Аметис

Аметис читал переданное гонцом письмо и с каждой строчкой все больше мрачнел. Текст послания гласил:

«О, опальный сын мой! Открылась мне истина, и знаю я, что ты заражен Скверной, опасной для всех жителей нашей родины. Я знаю, что долг мой — уничтожить тебя, как порождение мерзкой Единому магии, однако я слаб. Я не только правитель, но и любящий тебя отец.

А потому я не отдам приказ о твоём немедленном уничтожении, как настаивает Иерарх. Однако, ранее я распорядился, чтобы ты отъехал в имение, доставшееся тебе от покойной матери. Сим письмом, запечатанным моей личной печатью, и написанным мною по собственной воле, я приказываю тебе из Наурджа не возвращаться.

Если же ты получил мое послание уже в пути, то, как мой сын и вассал, ты обязан вернуться обратно. Вдали от Миертина ты и твои силы, дарованные богами-самозванцами, не причинят простому люду серьезного вреда, и потому ты сможешь жить там, насколько это возможно, в мире и согласии со мною и Иерархом.

Но знай: если ты нарушишь этот приказ, то каждый верный подданный будет обязан предать тебя справедливому

суду. Во избежание войны, не оглашая это решение публично, но передаю тебе в письме.

Следуй же ему, Аметис Неокаенный, и тогда любящему отцу не придется отдавать приказ, который он может не пережить от горя».

Дочитав, принц мрачно выругался себе под нос на трех из четырех известных ему мертвых языках. Это не отец! Почерк его, все верно, но он так просто не выражается! У Дионетиса всегда было строгое разделение, кому и как он пишет или говорит. Никогда личные письма не содержали ни пафоса, ни полуофициального тона. В такой переписке они были не королем и вассалом, а отцом и сыном. Всегда! Даже когда ругались и спорили!

И в то же время, он никогда не допускал, чтобы официальное письмо было хоть немного похоже на личное. Всегда обращался по титулу, всегда указывал точное название земель о которых идет речь, и, говоря с ним, как с вассалом, не затрагивал своих отцовских чувств. А здесь... какая-то смесь того и другого! Принц точно знал: по доброй воле и в трезвом рассудке отец бы такого не написал. А значит, его надо спасать. Но как? И, главное, где взять людей?

Он не любимец народа Лантис, второй принц, и не наследник — оба, как назло, выполняют дипломатические миссии у дальних соседей по поручению отца. Но пока они вернутся — не поздно ли будет его спасать?! Ведь если эти сволочи подобрались к нему настолько близко, что угрозами или ма-

гией вынудили написать этот... пасквиль, то король в огромной опасности. Его надо вытаскивать! А у него ни людей, ни народной любви... Да собственно, ничего, кроме знаний и магии. Только маги по всему миру бегут от Алых, и силой здесь не поможешь, по крайней мере, волшебной. Принц снова выругался. Смял письмо и собирался было его просто бросить под ноги, но в конце концов разглядел и убрал в карман камзола. Не стоит избавляться от возможного доказательства.

Голова Аметиса пухла от внезапно свалившихся проблем, и принц вполне искренне надеялся, что кто-то из братьев вовремя вернется и поможет разобраться. Однако, что-то отчетливо подсказывало: надеяться на это слишком сильно не стоит, как бы ни пришлось разочароваться. Вздохнув, он — жестом, не говоря ни слова — приказал кучеру остановиться и выбрался из кареты. Затем подал Жози руку и произнес:

— Мы с тобой приехали, чтобы подобрать управляющего. Как бы ни хотелось отомстить или поплакать в одиночестве, но сейчас лучше именно это и сделать. Ты поможешь мне?

Кухарка молча кивнула. Пока Аметис разбирался с бывшим капралом, Жози успела вернуться к своему обычному состоянию, хоть и старалась не смотреть на приснопамятное дерево: оттуда как раз снимали несправедливо повешенных горожан, чтобы похоронить их достойно. Аметис этого не приказывал — его бывшие телохранители приняли такое решение сами — но принц более чем одобрял его, и даже успел

мимолетом удивиться, как не догадался распорядиться о похоронах сам. Впрочем, он о многом не догадывался, пока не становилось слишком поздно. Снова вздохнув, и взяв Жози под руку, принц отправился на поиски подходящего управляющего.

Эта проблема откладывала ту, что подкинуло письмо, но Аметис вдруг осознал, что просто не знает, где такого человека можно найти. В городе — да, но он и города-то не знает? И как с этим быть? Придется, выходит, просто довериться Жози и назначить того человека, которого она выберет. Но выберет откуда? Привыкший к книгам, а не к людям, Аметис даже замер прямо посреди главной площади Наирджа, куда привела его кухарка. Та, правда, непочтительно дернула его за руку, выводя из ступора, и все же притянула в большое здание из белого камня.

Крыша у здания была позолоченная, к двери вели высокие ступени, а сама дверь была обита толстой коричневой тканью. Рядом с нею, на деревянной жердочке, висел посеребренный колокольчик. В него-то Жози и позвонила. Ждать пришлось с четверть часа, и Аметис уже начинал терять терпение, когда дверь открылась и к ним вышел высокий, сухопарый мужчина в толстых круглых очках. Увидев принца на пороге, он тут же бросился перед на колени:

— Ваше Высочество! Я и не думал, что это именно вы звоните в наше скромное учреждение! — воскликнул мужчина тонким, старчески надтреснутым голосом.

На Жози он даже внимания не обратил. Аметис, хотевший было приказать ему немедленно встать, захлопнул рот, увидев это. Раз этот человек, кем бы он ни был, так относится к тем, кто не отличается знатностью, то пусть стоит на коленях, раз так хочет. За свои «убеждения» нужно отвечать сполна.

— Для начала, вы могли бы представиться, — холодно проговорил он, снова невольно копируя отца. — К сожалению, то, что кто-то знает о моей личности, не дает мне взамен знания о его.

Мужчина часто закивал, отчего неровно подстриженные седые пряди у висков упали на глаза. Поднявшись с колен, он глубоко поклонился, едва не подметая руками мостовую, и проговорил:

— Да-да, простите мою дерзость, Ваше Высочество! Мэр Наирджа, Георг Фортрадин, к вашим услугам! С какой целью... то есть, прошу прощения, что привело вас в мою скромную обитель?

Аметис пристально посмотрел на «мэра». Теперь он, во всяком случае, точно знал, кто пустил Алых в город, и кто нес подлинную ответственность за казни мирных жителей. Только если смещать его немедленно, он, Аметис, просто не сумеет быстро найти человека на замену! Ни опыта, ни своих, преданных ему лично людей для такого дела у принца не было. А значит, хотя бы временно, придется оставить все как есть. Ледяная магия снова засеребрилась в глубине его глаз, когда принц подумал об этом, и Георг снова бросился

на колени.

— Я преданный слуга Вашего Высочества! — пропищал он скорее себе под ноги, чем Аметису.

— Я верно понимаю, что могу обращаться к вам, если мне что-то понадобится? И вы готовы беспрекословно выполнять приказы? — все тем же «теплым» тоном уточнил принц.

— Конечно, конечно, Ваше Высочество! — мужчина закивал. — Пройдемте в мэрию, я сумею принять вас, как подобает согласно Вашему положению!

— Пожалуй, — Аметис кивнул, и Георг наконец перестал ему кланяться. Зато впустил в оказавшееся довольно небольшим и скудно обставленным помещение. Жози он не пустил, демонстративно закрыв дверь прямо перед ее носом. Аметис отметил это, но — пока — промолчал.

Там не было почти ничего, даже ковра. Лишь широкий дубовый стол коричневого цвета, кресло, похожее на то, что стояло в «кабунете», да высокий деревянный стул перед столом, очевидно, для посетителей. На столе — чернильница, неожиданно ярко-красное перо и стопка чистых листов бумаги. На второй этаж вела винтовая лестница, на которой тоже не было ковра, но кроме этого — обстановка поражала своим аскетизмом. Не было ни картин, ни памятных безделушек или наград, ни одного хоть сколько-нибудь нефункционального предмета. Как, должно быть, неуютно было посещать это место для прочих жителей Наирджа? Или, быть

может, мэр и добивался такого эффекта? Этого Аметис не знал, однако намеренно сел прямоком на «мэрское» кресло, вынуждая своего спутника уместиться на стуле просителя. Тот поморщился, но вслух не возразил, и даже заискивающе улыбнулся, стоило принцу посмотреть ему прямо в глаза.

Сев, Аметис задумался, как правильно объяснить, что ему нужно. Но для начала, приказал:

— Откройте дверь, и приведите сюда Жози. И впредь не решайте за меня, кто из моих спутников будет меня сопровождать, а кто нет. Если, конечно, желаете сохранить за собой *хоть какую-нибудь* должность.

Георг скривился так, словно выпил залпом полную чашу горького сока, но, коротко буркнув «да, вышвысочество!», покорно подошел к двери и пропустил Жози внутрь. Принц очень многозначительно посмотрел на них обоих, и напротив него в итоге сел не Георг, а кухарка, как он и хотел. Правда, села на самый краешек, ссутулившись, и на «мэра» совсем не смотрела, постоянно отводя взгляд. Аметис подавил в себе желание устало вздохнуть. Непривычная роль давила на него, но ее следовало отыграть до конца, если он хочет в конечном итоге все-таки навести порядок в городе. А без этого... разве сумеет он помочь отцу?

Дождавшись, пока все займут свои места, принц, наконец, заговорил по делу:

— Мне нужны люди. Надежные, по крайней мере, пока им платят. Конкретно — управляющий для имения и охрана.

И, поверьте, если Жози скажет, что подобранные вами — ненадежны, я поверю именно ей, поскольку ее я хорошо знаю и в ней полностью уверен.

Бывшая кормилица принца при этих словах приободрилась и выпрямилась, победно улыбнувшись. Георг снова скривился, впрочем, тут же натянув, словно маску, дежурную улыбку. Аметис же спокойно смотрел на обоих и ждал, что предложит мэр, и что по поводу его предложений скажет Жози. Наконец, Георг заговорил, и теперь уже он отводил взгляд от «противницы»:

— У меня есть на примете несколько человек, подходящих на обе нужные вам роли. Если позволите, я прикажу привести их сюда — выберете сами, — проговорил он тихо. Даже подбострастность куда-то исчезла. Видно, его сдерживало присутствие Жози, но как — Аметис не знал. Он вдруг понял, что вообще ничего о ней не знает, как и о многих других людях вокруг. Зато вот древние свитки может цитировать наизусть! Только не приговждается что-то.

Принц подавил желание выругаться, понимая, насколько неуместно это будет выглядеть, и ответил:

— Хорошо, мэр Фортрадин, я готов подождать ваших кандидатур. Надеюсь, их найдут быстро.

— Конечно, Ваше Высочество! — вновь вернувшись к прежней манере, подтвердил тот. И, выдвинув ящик стола, позвонил в небольшой колокольчик, оказавшийся на удивление громким. Аметис поморщился, а со второго этажа вско-

ре спустилась миловидная темноволосая служанка лет семнадцати. Девушка была одета аккуратно, но бедно, и ее темно-серое платье было латано-перелатано, настолько много принц заметил заплаток. И как «мэр» не стыдится показывать слуг в таком виде? Мало того, что скупость свою всем и каждому в нос сует, так еще и репутацию портит, как собственную, так и своего сюзерена. В очередной раз, но Аметис подавил желание вздохнуть. И даже ничего не сказал, хотя хотелось. Этот человек еще был ему нужен.

Георг перечислил девушке несколько незнакомых Аметису имен, и велел привести всех этих людей сюда. По прикдам принца, искать шестерых человек хрупкой девчонке придется немало времени. Но, быть может, она знает, где они все и искать не придется? Он не вмешивался, стараясь сначала составить мнение и получить обоснование этого мнения, а потом уже действовать. Мало ли, почему мэр раздает именно такие приказы?..

Девушка убежала, а Георг, вопреки ожиданиям, не предложил ни воды, ни, тем более, перекусить, да и поддерживать со своим принцем беседу не стремился. Лишь молча смотрел прямо на него, стоя за спиной у Жози. Поняв, что, если он не возьмет дело в свои руки, время ожидания так и будет потрачено безо всякого смысла, Аметис заговорил сам:

— К моему сожалению, я мало что знаю о Наирдже. Это моя вина и моя беда. Однако, я хотел бы исправить свои ошибки. В связи с этим, Георг, я хотел бы, чтобы вы принес-

ли мне все документы о тратах на содержание города, данные о выплаченных налогах, и тому подобную информацию. Все, что может показаться важным. Как раз будет, чем занять ум, пока мы ждем отправленную вами за подходящими людьми девушку.

К чести Фортрандина, он лишь кивнул и быстрым шагом отправился на второй этаж. Аметис начинал подозревать, что и вся роскошь у мэра там же, и когда нет посетителей, он отнюдь не сидит молча среди голых камней, а занят чем-то более интересным. Но повода проверять не было, тем более что жил он, скорее всего, не в административном здании, а где-то еще. Только принц понятия не имел, где, и проверить не мог, а потому оставалось лишь предполагать. Надо было слушать отца, пока тот мог и хотел с ним говорить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.